

Материалы по шаманству у телеутов¹

Н. П. Дыренкова

Шаманские бубны, описанию которых посвящена настоящая работа, принадлежали шаману — телеуту Канакаю — Николаю Алексеевичу Чолухоеву из рода ютты (колл. № 2014-1, рис. 1 и 2) и телеутской шаманке Пёдёк — Федосье Степновне Тыдыковой, урожденной Тодышевой — род отца ютты, род мужа — чорос (колл. № 2014-3, рис. 3—4, фото на рис. 5), жившим в улусе Чолухой, бывш. Томской губ., Кузнецкого уезда, нынешнего Бековского сельсовета, Беловского района, Новосибирской области.

Бубны переданы в Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР Андреем Викторовичем Анохиным, этнографом и исследователем Алтая, в 1912 г. и зарегистрированы на основании данных сбирателя.

В основе нашего описания лежит описание МАЭ коллекции № 2014 и сведения, полученные нами об этих бубнах и их владельцах шаманах, от брата шамана Канакая — Степана Алексеевича Чолухоева и сына шаманки Пёдёк — Степана Тыдыкова, а также от Романа Алексеевича Клопотина, участвовавшего прежде в шаманских камланиях в качестве помощника шамана (там кошјатан кіжі) и потому хорошо знакомого с шаманской обрядностью. Ими же сделаны приводимые ниже рисунки бубнов рис. 6 и 7 и от них же записано камлание при получении шаманом нового бубна.

Согласно описи Музея и рассказам телеутов бубны эти получены от шаманов Канакая и Пёдёк А. В. Анохиным летом 1911 г. в улусе Чолухой при жизни этих шаманов (Канакай умер в 1914 г., Пёдёк — в 1929 г.).

¹ От редакции. Публикация материалов по шаманству телеутов, собранных Н. П. Дыренковой в 1931 г., вызвала их большой научной ценностью для этнографии народов Сибири. Эти материалы являются уникальными, так как шаманство у телеутов в настоящее время исчезло. Они представляют большой интерес также для лингвистов и фольклористов. Автор представила в свое время записанные телеутские тексты в латинской транскрипции. Редакция сочла необходимым заменить эту транскрипцию обычной академической, основанной на русском алфавите. Работа по замене транскрипции и сверке с переводом выполнена А. И. Новиковым.

О первом бубне № 2014-1 в описи сказано: „был в употреблении 16 лет. Железные перекладины и подвески новые“, о бубне № 2014-3: „перекладины и подвески новые“. Таким образом, ясно, что оба бубна даны А. В. Анохину самими шаманами, а не взяты им с могилы шамана, как это имеет место с большинством бубнов в собраниях музеев. Шаманы передали А. В. Анохину свои старые бубны после того, как они получили новые (при обряде получения нового бубна); изуважения, видимо, к А. В. Анохину, они отдали свои бубны с рукоятками, хотя, как правило, при обмене бубна шаман делают заново лишь обечайку, а металлические части и рукоятка бубна остаются старые. Надо отметить, что у одного бубна (2014-1) прорезана кожа, а это делается, по правилу, после смерти шамана — владельца бубна. Возможно, в данном случае шаман сам, передавая свой бубен собирателю, прорезал кожу, чтобы духи покинули этот бубен и не ушли с бубном, увозимым собирателем.

Настоящие бубны являются последними бубнами последних телеутских шаманов.¹

I

Шаманство достигло у телеутов высокой стадии развития, оно успело превратиться в профессию: шаманская служба оплачивалась. Существовал весьма развитый ритуал.

Шаманы, являясь эксплоататорами своих сородичей, требовали платы за камлания деньгами или скотом. Скот,

Рис. 5. Шаманка с бубном.

„угодный духам“, т. е. угодный шаману, „заключался, по его настоению, в жертву духу“. Лучшие куски мяса, как и шкура, шли в пользу шамана. Еще В. В. Радлов в 1861 г. писал о телеутских шаманах: „Минимое исцеление больных происходит следующим образом. Призванный шаман осматривает больного и затем назначает день жертвоприношения и жертвенное животное: обычно он выбирает очень жирию хорошую лошадь. После жертвоприношения шаман получает в подарок вторую лошадь. Это бесподобное жертвоприношение стоит людям больших денег, а иной на этом совсем разоряется. Мой казак рассказал мне об одном слепом, который имел табун в 500 коней и созывал всех где-либо прославленных шаманов, чтобы при помощи

¹ В целях удобства изложения отдельные части описания даны в настоящем времени.

их искусства стать зрячим. Этот человек все еще слепой, но его табуны исчезли, и сам он, обединившийся, лежит в жалком состоянии в своей лачуге".¹

Телеутское шаманство, однако, сохраняло пережиточно свой первоначальный родовой характер. Шаманский дар передавался в роде — сёök'е — шамана. По представлению телеутов, духи умершего шамана искали и выбирали себе нового шамана среди его родственников, мужчин или женщин, в его же роде. Отмечены случаи, когда шаманский дар наследственно переходил от тайя — брата матери — к ѹїаңи — племяннику.

Считалось, что каждый шаман должен был быть предопределенный к своему служению самим Ульгенем:

„Үлганиң сабыр пічік юқ ползо, кам кајдаң подуп камдајтан? — если нет бумаги — письма Ульгена — шаман как станет камлать?” — говорили телеуты.

Призыв к шаманскому служению обнаруживался особым приступом „шаманской болезни”, который осмыслился телеутами, как принуждение духа — төс пасјат —

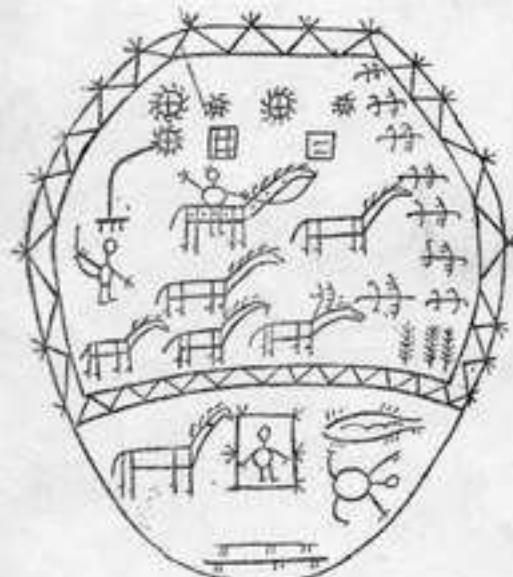

Рис. 6. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

Рис. 7. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

„дух давит”, т. е. наступает на избранного им. Момент этот происходил примерно на пятнадцатом-восемнадцатом году жизни будущего шамана или шаманки. В этот период шаман назывался паскынкам, т. е. буквально — „принужденный, давимый шаман”. Позже, став уже шаманом и совершив камлания, шаманы в призывах говорили о себе: „кам Кобордаң күйбургам, кам Понок пажылгам — из-за шамана Кобора я мучился и болел безумием (буквально — „я бегал и крутился, как вихрь”), шаман Понок меня давил...” (слова шамана Канакая).

В течение этой болезни, продолжавшейся иногда год и даже больше, шаман по представлению телеутов, попадал во власть духов, которые его „пересотворяли” (јајалған — буквально — „быть сотворенным”). У каждого шамана поэтому был свой дух, которого они называли „Мән јајалғаным” — „мой пересотворитель”.

Духи варили, будто бы шамана в особом котле, разрезали его мясо и долго и внимательно пересматривали и пересчитывали его кости. Если у кандидата в шаманы нехватало одной кости, он должен был умереть, если находилась лишняя кость, как бы он ни сопротивлялся, он становился шаманом.

¹ W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Erman. Archiv für volkskundl. Kunde von Russland. 1861. XX, стр. 587.

В этот период, когда будущего шамана тое пасјат — «дух давит», шаман подвергался тяжелым приступам — приступам болезни (кам подуп ојжырап јат), он лежал и пел и бессмысленно вскрикивал, неожиданно вскакивал и, надолго исчезая из дома, бродил по окрестностям. С закрытыми глазами, в полуознании, шаман убегал куда попадал.

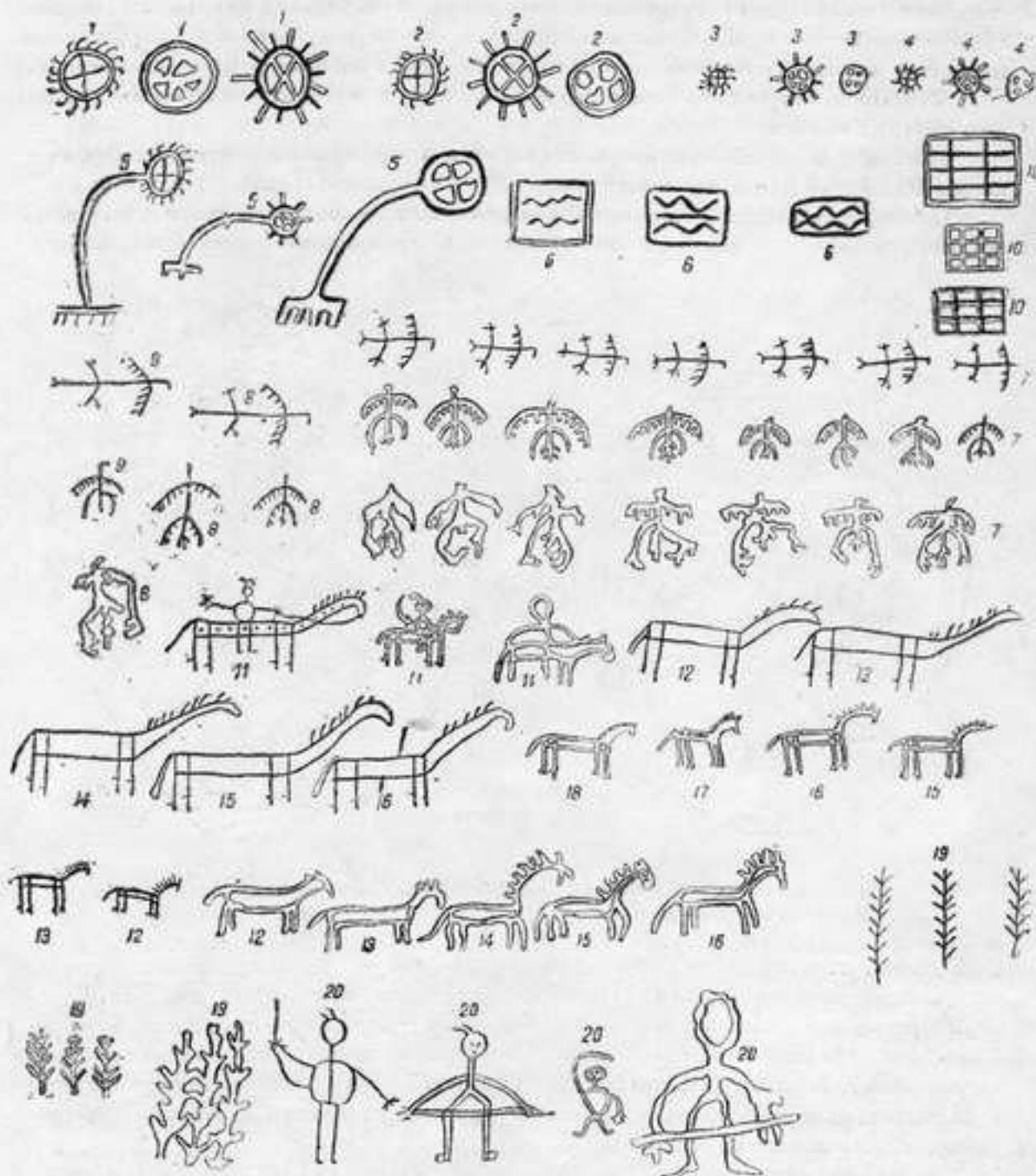

Рис. 8. Детали рисунков на бубнах.

и бегал, где попало. Кам кујбурјат — буквально «шаман безумствует, шаман вихрится» (т. е. развеивается — мчится, как вихрь), — говорили про такого начинавшего шамана телесуты.

Родные, часто не желавшие, чтобы их родственник стал шаманом, принимали соответственные меры, чтобы оградить, его от наступающих, претендующих на него духов — тес'ов. Наиболее эффективными мерами считались: закрыть его женскими штанами, положить под кровать, на которой спит женщина, или спустить в подполье, т. е. так или иначе извести больного в соприкосновение с женским

костюмом (штаны) или местом, оскверненным присутствием женщины (кровать, подполье).¹ Самым сильным средством считали menstrua. Таким образом, существовало представление, что женщина и все, что связано с ней, особенно с ее половой жизнью, оскверняет и, следовательно, отгоняет духов. Несмотря на это, сама женщина могла быть шаманкой. Девушка-шаманка, выходя замуж, рожая детей, также не теряла шаманского дара.²

В том случае, когда ничто не помогало и «молодой шаман продолжал болеть», «сходить с ума», родственники договаривались между собой и устраивали особый обряд — птуудар, буквально — «пар хватать, держать».³

Обряд этот мог быть совершаем только весной или осенью, непременно в начале месяца или в новолуние, но ни в коем случае не на ущербе месяца. Он повторялся, обычно, несколько раз и состоял в следующем: приготавливали пресные лепешки чок тарт-чачи, в первый раз совершения обряда — пять штук, во второй — семь, в третий — девять.

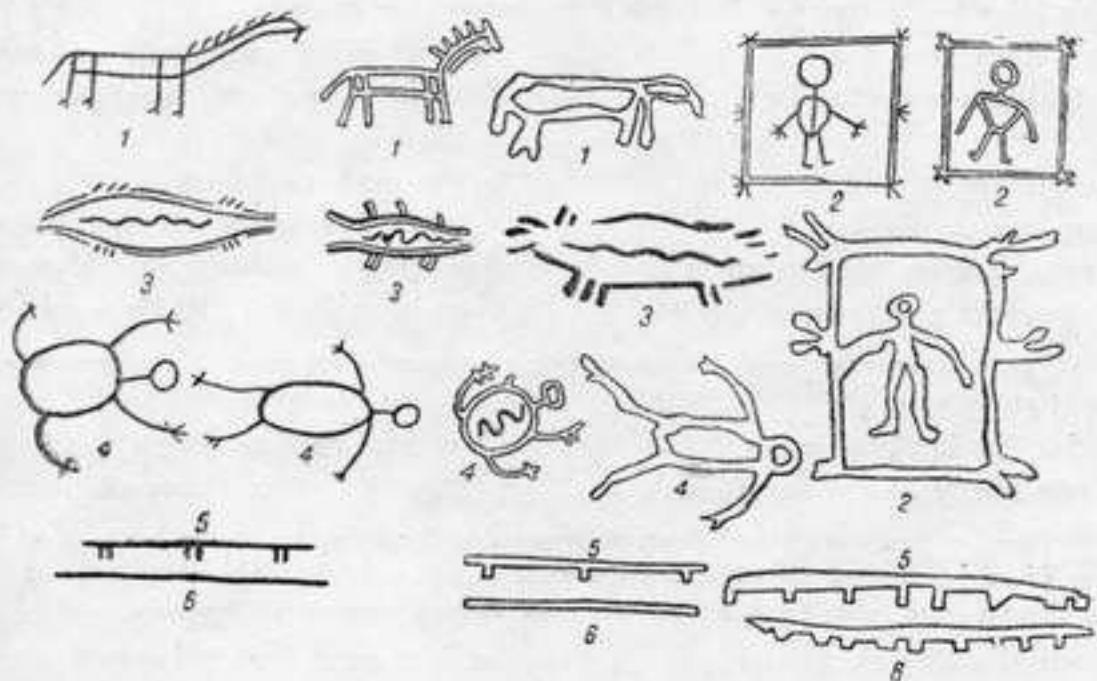

Рис. 9. Детали рисунков на бубнах.

в четвертый — двенадцать, в пятый — пятнадцать; на шестой раз приготавливалось мясо. Приглашали опытного шамана или двух. Приглашенный шаман садился на лавку рядом со своим учеником — будущим шаманом — и обучал его шаманскому искусству. Рядом с ними на скамейку в переднем углу ставилось корытце — тайши — с лепешками или мясом.

Ученик шамана поднимал тайши, поворачивал его «по солнцу». Угощая духов, он произносил обращения к ним, повторяя слова обращения вслед за своим учителем шаманом. Во время этого обряда молодой шаман призывал духов — тёсов — своих предков — шаманов, называя их всех по именам, затем произносил обращения ко всем земным

¹ Подполье уже по одному тому считалось нечистым, что женщина ходит по полу, т. е. над подпольем, она же чаще всего спускается в подполье.

² Для женщин-шаманки запретно было лишь камлание Ульгеню, особенно после замужества. Переходя после брака в род мужа (экзогамия), женщина оставалась в нем чужеродной и, как таковая, не имела права участвовать в родовом культе, а тем более совершать жертвоприношение главному родовому духу — Ульгеню.

³ Пүйәй бәді — пар идет (когда гонят водку). Возможно, название этого обряда происходит из представления, что духи пытаются паром от приносимой им жертвы.

духам — јар-јол — и небесным духам — пајана (обращения эти см. ниже). Происходило своего рода обучение нового шамана старым, более опытным и умелым в обращении с духами.

Бубен шаман получал не сразу, а только после того, как дух, его пересотворивший, давал ему приказание сделать бубен. Бывали случаи, когда шаман камлал несколько лет, и даже всю жизнь, без бубна, с одной только колотушкой.

Колотушка — орбу — делалась из таволги (табылды) и обтягивалась камусами с ногой козы (älik пычкагы).

В шаманских призываиях колотушку называют „таш орбу“ — каменная колотушка, по той будто бы причине, что при изготовлении ее под шкуру подкладывали небольшой камешек. К вновь изготовленной орбу привязывали три ленты — полосы материи: хозяину орбу — орбу äzi Тојлұғану, Сом адазы, Йоокану и Порүчі-кану.

Впоследствии к этим лентам (тү) присоединяли другие; их привязывали те лица, у которых шаман совершил камлания.

Вновь сделанную колотушку шаман должен был показать хозяину орбу — Тојлу-кану. Шаман обращался к Тојлу-кану со следующими словами:

Таш орбумиң äzi,
Табылдымың сүрмәді!

Карлыгаш пашту,
Кан кызыл јар äzi,
Сары Чымыш кәзә отурғаи,
Äнам Тојлу, Кајракан!

Хозяин моей каменной колотушки,
Талины — таволги изображение —
образ!

С головой ласточки
Хозяин хан красного яра (берега)!
Владеющая рекой Сары Чымышем,
Мать моя Тойлу, Кајракан!

Бубен у телеутов имел название түңүр¹ и чолү²; в шаманских призываиях его называли ак адан.

Алты бркөштү ак адан,
Алты көстү ала Марс (барс).

О шести горбах бубен,
О шести глазах пестрый барс.

Главным хозяином всех бубнов считался мар äzi ајұыр јалдай-кан Кычкыма — хозяин мара (барса) с гривой жеребца, хан Кычкыма.

Кроме того, у каждого бубна был еще хозяин, сын хана Кычкыма:

Айым мардың ак тајлық,
Кöчүи мардың көк тајлық
Ак аданиң äzi кан,
Ала барстың сүрмәді кан.

Белого мара белый Тайлык — моло-
дой конь,
Синего мара синий Тайлык — моло-
дой конь,
Белого бубна хозяин кан,
Пестрого барса изображение —
хан!

¹ В. Вербицкий. Словарь алтайского и алданского наречия. Казань, 1884, стр. 384: „түңүр (телеуты) — бубен шаманский — барабан, обтянутый с одной стороны кожей маральей или конской, с другой стороны бубна приделывается рукоятка и привешиваются металлические погремушки; с наружной стороны бубен разрисовывается. К бубну алтайцы питают более уважения и страха, чем к самому шаману, веря, что в бубне живет дух — хозяин его (түңүр äzi) и что при камлании собираются туда духи, привываемые камом (чалулар төстөр). Все части бубна и разрисовка его имеют значение. Изготавляемый бубен освящается особым образом, при собрании народном, жертвоприношении и общей попойке. По смерти кама бубен привешивается возле могилы его или с почтением сохраняется в юрте родственниками его или относится в лесную чащу и вешается на дерево“. — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1903, т. III, стр. 1543.

² В. Вербицкий, ук. соч., стр. 422: „чалу (тел.) — бубен шаманский“. — В. В. Радлов, ук. соч., стр. 1884: „чалу (алт.) — шаманский бубен, идол“.

Вот почему во время камлания шаман обращался к хозяину своего бубна, часто говорил „ак аданиң әләрі“ — хозяева бубна (мн. число от ә — хозяин), вместо „ак аданиң әзі“ — хозяин бубна:

Ак аданиң әләрі,
Ала барстың сүрмәттәрі,
Ала барсың қаза туткар,
Ак аданның пош салбагар!

Хозяева белого бубна,
Изображения — облики пестрой ру-
коятки,
Пестрый барс — рукоятку крепко
держите,
Белый бубен не выпускайте — не
отпускайте!

Любопытен образ хозяина бубна айым җадду хан Кычкыма — хан Кычкыма, „имею-
щий гриву жеребца“, указывающий на сохранившееся у телеутов представление о бубне —
как о верховом животном шамана — его коне или олене, отмеченное у ряда других
народностей Сибири.¹ Осмысление бубна, как коня, на котором шаман совершал свои
далекие поездки к духам, выявляется и из обращения шамана к его бубну во время
камлания:²

Алты ёркөштү ак аданим,
Арка мојны пош салба,
Адабистің ары јолдо,

Адар таңга әш полzon!

Алты көстү ала барсым,
Ала барсты қаза тутсан!

Шестигорбый мой белый бубен,
Спина и шея твои пусть не слабнут!
О, если бы на чистом пути отца
нашего
До утренней зари товарищем и
спутником ты был!
О, если бы, шестиглавый пестрый
барс,
Пеструю рукоятку ты крепко дер-
жал!

Когда на пути к тому или другому духу бубен — конь спутник — товарищ (әш)
шамана уставал, шаман заменял его птицами, а коня отправлял „подкрепиться“
на гору Сүрүн к молочному озеру сүт ак-көй:

Сүт ак көлдөң суғат ал,
Сүрүн тұдаң ямазу ал.

Из бело-молочного озера пей,
С горы Сюрюн бери себе пищу.

или же отправлял его отдохнуть к себе домой:

Алты ёркөштү ак аданимның,
Арка мојны пошој түштү.

Моего белого бубна о шести горбах
Шея и спина ослабли,

¹ А. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этно-графия, 1935, № 5—6.

² Возможно, подтверждением этого представления о бубне, как о коне шамана служит и название чалу әзі — хозяина бубна ак Мардың ак тайлық — „белого мара белый тайлык“. Значение слова тайлык в настоящее время утеряно, но некоторые телесуты склонны объяснять его, как „молодой конь“ от „тай“. Ср.: Вербицкий. Словарь алтайского и алданского наречия, стр. 326: „тай — жеребенок со второй весны.“

Ак аланчыкка ајдан-көрән,
Арка-ба тојнын тыныдын көрән!

Пусть к белому аланику — жили-
щу (моему) он вернется,
Спина и шея его пусть окрепнут —
отдохнут!

Хозяину бубна, чалу әзі или мар әзі, шаман должен был совершить первое камлание при изготовлении бубна, ему шаман должен был прежде всех показать свой новый бубен (см. ниже).

Дух, „пересотворивший“ шамана, назначает время, когда надо сделать бубен, и определяет каждому шаману то количество бубнов, которое тот сможет иметь в течение своей жизни.

Бубен может быть сделан весной или осенью и непременно в начале месяца или в полнолуние. Запрещается делать бубен в конце месяца как зимой, так и летом.²

В изготовлении бубна принимают участие, обычно, сородичи шамана; разрешалось участвовать в этом деле и чужим. Участие тая — дяди с материальной стороны и, вообще, родни матери, считалось желательным, но не обязательным.

Делают бубен из дерева, кожи и железа.

Бубен состоит из следующих частей: 1) деревянной обечайки; 2) кожи, натянутой на обечайку; 3) деревянной вертикальной перекладины — ручки; 4) горизонтального железного прута, проходящего сквозь вертикальную перекладину; 5) железных привесок, наизнаных на горизонтальный прут и прикрепленных к обечайке.

Бубен № 2014-1 имеет следующие размеры: окружность 182 см, радиус (по вертикали) 68 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 64 см, ширина рукоятки 6½ см, ширина обечайки 9½ см (рис. 1).

Бубен № 2014-3 имеет следующие размеры: окружность 183 см, радиус (по вертикали) 60 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 57 см, ширина 5½ см, ширина обечайки 10½ см (рис. 3).

Обечайка бубна каш (край) или курчу (обруч) делается из кедра (кујук). На наружной поверхности под кожу кладется шесть деревянных полуширообразных деревяшек, которые образуют возвышения — брёкш, т. е. горб; они служат резонаторами. Вот почему шаман называет свой бубен „алты брёкштүк“ ак аданным¹ — „мой бубен о шести горах“.

Вертикальная перекладина бубна — барс (барс) делается из берес (кајы). В том месте, где шаман берется за перекладину рукой, барс суживается, образуя рукоятку бубна. Ниже и выше этого суженного места на лопастях рукоятки просверливают отверстия (около 50 в верхней части, и около 40 — в нижней).³ Эти отверстия осмысливались как глаза барса, почему в шаманских призывах рукоятка бубна называется „алты көстүк алла барс“ — шестиглазый пестрый барс.⁴

Во время камланий шаман просит хозяина бубна: „чалу әзі“ — „крепко держать рукоятку бубна.“

Ак аданның әзі,
Ала парстың сүрмәді,
Абы мardың көк Тајлык,

Хозяин белого бубна моего,
Пестрого барса изображение —
образ,
Белого мар'а синий Тайлык — моло-
дой конь,

¹ Аланик — конусообразная юрта, прежнее жилище телеутов.

² Тундушај — замкнутые месяцы, т. е. три зимних и три летних месяца.

³ В эти отверстия при камлании ярым сом'у шаман невидимо продевает двадцать нитей. Это означает, что двадцать мастерий, живущих у земной щели, зашивают эту щель.

⁴ Рукоятка шаманского бубна телеутов отличается от рукоятки алтайских шаманских бубнов, представляющих антропоморфное изображение хозяина бубна. В. В. Радлов писал: „Шаман показал мне в телеутской деревне по р. Ур в десяти км от сел. Чолухон свой бубен, который был отличен от алтайского“ (Reise durch den Altai A. Erman, Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland).

Айыр јалду кан-Кычкыл,

С гривой жеребца, кан Кычкыл,

Ала парсың кәзә тутсаң!

О, если бы ты рукоятку пестрого
барса крепко держал!

Из железа делается металлический прут, проходящий сквозь рукоятку бубна и носящий название кіріш (тетива). Кириш по краям имеет утолщения. Между каждым утолщением и обечайкой свободно двигаются железные привески (күмй), которые осмыкаются шаманом как стрелы. К верхней части обечайки с внутренней стороны прикрепляются на железных кольцах, по три с каждой стороны, железные полудуенные пластинки — кылыш, т. е. сабля. Название поперечной перекладины бубна кіріш — тетива, как и осмысление металлических подвесок, в качестве стрел, — указывает на связь представления о бубне с представлением о луке и стреле. Это подтверждается и тем, что, по представлению телеутского шамана, шаман, держа бубен, может отпугивать злоном подвесок бубна, ударами по коже бубна, злых, неугодных ему духов. К кіріш'у подвешиваются с обеих сторон барса по две ленты (јалама) (рис. 1 и 3).

На покрышку бубна идет обычно кожа жеребенка.¹ Кожа натягивается с одной стороны бубна (пүдүжі), покрывает обечайку с наружной поверхности и затягивается особым швом с другой стороны бубна (түбү).

Духи во время припадка шамана или во сне дают ему указание сделать бубен² и указывают, в каком именно месте растут предназначенные для его бубна деревья, кедр и береза, и где, в каком стаде, пасется лошадь, шкура которой предназначена на покрышку его бубна. Как правило, за деревьями и за конем надо всегда ехать на восток. Деревья же должны расти на восточном склоне горы. Узнав о приказании сделать бубен, данном духом шаману, двое или трое его родственников отправляются прежде всего рубить деревья. Березу на рукоятку бубна рубили обычно где-либо в окрестностях, за кедром приходилось ездить часто очень далеко, вплоть до реки Томи.

Найдя указанные духами деревья, приехавшие начинали рубить их. При этом они произносили следующие слова, обращаясь как бы к будущему бубну:

Канда кірзәң, камајба,
Піјә кірзәң, јалтанба,

Если войдешь к хану, не стесняйся,
Если войдешь к начальнику, не
отшатывайся,

Кан алдында каңыр бол,
Піј алдында шіжік бол,
Тілің ада јарұ бол,

Перед ханом смелым будь,
Перед начальником высоким будь.
Речь твоя (буквально, язык твой)
пусть будет угодна,

Тізаң ала чөгү бол.

Колена твои пусть будут преклонены (буквально вдавлены в землю).
Если хан будет, у хана милость бери,
Если начальник будет, у начальника
мудрость — знание бери.

Атқайндә әм ползын,

Когда ты будешь действовать —
пусть твои действия исцелением
людям будут,

¹ Алтайские телеуты (ул. Черга) рассказывали, что старики в прошлом покрывали бубен шкурой марала. См.: В. Вербицкий, ук. соч., стр. 385.

² В дальнейшем дано описание обряда получения бубна, совершенного шаманом Канакасем (Николаем Алексеевичем Чолухоевым).

Тутканында тұза ползын,
Караңаның көстө бол,
Кармаңаның колдо бол.
Алтай чыкканыңды алыш-тур,
Арслап чыкканыңды қап-тур.

Канду көдүрә, қајран ал,
Піжді көдүрә пілді көр.
Jaңылқанда жақ пол,
Сүрнүкәндә туяқ пол,
Сұға түшсә таяқ пол,
Кырса чыкса, јөлөк пол.

Сабылтарға салбај-тур,
Чајбалтарға пәрбәј-тур,
Анітәргә пәрбәј-тур,
Андадәргә салбај-тур.
Көзі жаман көргүспә,
Күні жаман таңдатпа.

Жарынтуңа пастырба,
Жоктуңа айттырпа.

Качырғанга јәдіп-тур,
Кајканиң әзып-тур,
Карылуңа көргүспә,
Камчылұңа түзәлтпә.

Ак тајкадаң, ажу ал!
Аңын сұдаң кәчү ал,
Аткан оқтоң сүргүн бол,
Аңын сұдаң түргән бол,

Когда будешь держать, хватать,
польза пусть народу будет.
То, что увидишь глазом, из глаз
твоих пусть не уйдет,
То, что захватишь, в руке твоей
пусть останется.
Когда поднимешься к духу, про-
славляя его, желаемое получай,
Когда, соблюдая чистоту, подни-
мешься к духу, нужное тебе захва-
тывай.
Если хана будешь возвышать,¹
милость получи,
Если начальника будешь возносить,
мудрость увидь,
Когда (кам) ошибется, щекой ему
будь, отвечай за его щеку.
Если (шаман) споткнется, копытом
ему будь
Если пойдет (кам) в воду, будь ему
посохом,
Если станет подниматься на хребет
горы, будь ему опорой.
Не допускай (шамана) качаться,
Не давай ему шататься,
Не давай ему сгибаться,
На поражение не оставляй его.
Не показывай злому глазу,
Не давай на удивление, имеющему
злые намерения.
Имеющему лопатки, не давай его
давить,
Имеющему щеки, не разрешай его
переспорить.
Когда будете гнаться, догони,
Когда будете убегать, убеги.
Имеющему глаза, не показывайся.
Имеющему платье, не являйся в сно-
видении.
Через пеструю гору перевал бери,
Через быструю реку переправу
бери.
Будь легче выпущенной стрелы,
Будь быстрее текущей воды,

¹ Буквально: поднимать, т. е. совершать моление духу.

Салкынтуда ыжык пол,
Сајлу күндә јолак пол,
Каалу күндә колка бол,
Тымулуда туза бол!

В ветреный день убежищем будь,
В тяжелый день опорой будь,
В несчастный день преградой будь,
При болезни (поветрия) полезным
будь!

Затем отправляются покупать требуемого духами коня — байтал'а — для обтягивания бубна. Шкуру байтал'а очищают от шерсти и натягивают на остав бубна. После того как бубен обтинут шкурой, те, кто его обтягивали, обычно двое, ставят его у порога дома шамана. Связывают три прута тальника (тадың корбазы) и ударяют несколько раз по натянутой коже бубна.

В это время в дом шамана уже съезжаются его сородичи и друзья с вином и угождением на чаалу тоңы — пир бубна. Пьяные гости, сидя за столом и продолжая дальше пить, схватывают виновь наготовленный бубен и начинают по очереди ударять в него. Бубен переходит из рук в руки. Так они ударяют до тех пор, пока не разойдутся, т. е. пока хватит вина. Иногда такое угождение продолжалось трое суток. Ударять могли только мужчины. Сам шаман, присутствующий тут же, имел право лишь брать бубен в руки, но ударять не должен был.

Каждый из присутствующих, ударяя в бубен, произносил по своему усмотрению обращение к дереву, которое пошло на бубен, и к коню, шкурой которого был обтянут бубен, стараясь угадать и точно указать местность, где росло дерево, и район, где пасся конь. Эти обращения — слова присутствующих — совершенно естественно варируют.

Обращение к бубну

1. К деревянной обечайке

Алты өркөштү ақаданның
Алтын қажын кәскән аңаш,

Шестигорбого белого бубна
Для золотой обечайки срезанное
дерево.

Кажы јардаң көсті-нә,
Кажы сұдаң тапты-нә!
Јаткан ала јарім әдә,
Ічкән ала суум әдә!
Јаказын басса јарсылбас,

В какой это земле срублено,
На какой-то реке найдено!
Где я лежу, моя земля,
Где я пью, моя вода!
Если по берегу реки будет ходить,

Әдәгін басса јарікпәс.

шума не слышно,
Если по склону горы будет ступать,
скучать не будет.

Ак чабаңы мај тадыңан,

Белая рыба той реки на вкус, как
масло,

Аңын суум ўс тадыңан,

Быстрая вода моя на вкус, как
навар.

Үссүн жаның јүс казык,
Алдын жаның муң казык,
Улү Бајат кәзә отурған,
Үч толукту әнәм јүрәкәй; Кајракан!
Аның којнунаң көсті-мінә,

Вверху сто колов,
Внизу — тысяча колов,
Рекой Большой Бочатом правящая
Треугольная мать јүрәкәй, Кајракан!
В ее пазухе — на ее склоне — спрэ-
вали разве!

Күчү Бајат кәзә білған,
Аның бојунаң кәсті-мінә,

Рекой Малым Бачатом правящая
У нее у самой спрэвали разве!

Аның бојунаң кәспәгән болзо,
Аңын суу ўс тадыңан,
Ак чаязы мај тадыңан,
Алдыңгу јаның кәт, Кајракан,
Үссүнгү јаның ёнам. Саңыс, Кајракан,
Алтын сајлү ёнам Томиңуң капсынаң
ошкош!

Если у нее у самой (дерево) не
срубили,
На берегу реки Томи, чья вода на
вкус, как навар,
Чьи белые чабаки — рыба — на вкус,
как масло,
В верховьях которой река Кет Кај-
ракан.
В низовьях которой мать моя река
Саңыс Кајракан,
На берегу матери моей реки Томи
с золотыми отмелями, похоже, что
срубили!

2. К байталу — коню:

Алты бркөштү ак адантага јапкан
байтал,
Кажы јәрдәң түлдү-нә,
Кажы јәрдә ёстү-нә,
Кажы суудаң ічті-нә?
Алты бркөштү ак аданның.
Ак пајталы тулаңан јәрі
Ёнам оскоттың ічиндә,

Ёнам коңыс Кајраканың којнуңда
ошкош!

Байтал, шкурой которого обтянут
шестигорбый мой бубен,
В какой-то земле родился,
В какой это земле вырос,
На какой это реке рос?
Земля, где родился белый байтал,
Моего шестигорбого белого бубна,
Похоже, что в пределах матери
моей реки Оскот'а,
В пазухе, — на склоне — матери
моей Коңыс — Кајракан.

Гости, присутствующие на чалу тојы, разъезжаются. Спустя некоторое время призывают человека, умеющего разрисовывать бубен. Призванный наносит на коже бубна рисунки. Каждый из рисунков связан с шаманской космогонией и представлениями о шаманских духах. Бубны телеутских шаманов однообразны по разрисовке. Рисунки устойчиво сохраняются от бубна к бубну, не только от шамана предка к шаману потомку, но и в разных родах (сёёк'ах). Допускаются лишь самые незначительные отклонения в размещении отдельных изображений и их трактовке.

Наружная сторона бубна (пүдүжі), закрытая, разделена на две части, большую — верхнюю и меньшую — нижнюю (рис. 3 и 9). Чертота, разделяющая оба поля, состоит из двух горизонтальных параллельных линий и третьей зигзагообразной, проходящей между ними. Такая же черта окаймляет наружный край верхнего поля, образуя свод. Обе черты нанесены белой краской. По внутреннему краю черты, окаймляющей верхнее поле, проведена еще одна красная линия, изображающая, видимо, небесный свод. Около каждого паружного угла, получающегося от зигзагообразной линии, проведены три черточки, соединяющиеся в вершине угла. Всего должно быть семнадцать таких соединений (17×3) по числу семнадцати «дорог ханов» он јәтті каның тарам јод (см. ниже камлание с бубном духу Марәзи).

На пространстве верхнего поля нарисованы (рис. 8):¹

1. Солнце — күн.
2. Месяц — ай.
3. Утренняя звезда Венера — таң чолмоң.

¹ Под каждым номером дамы варианты рисунков.

4. Вечерняя звезда — зарница — аңір чолмон.

Солнце и месяц рисуются белой и красной красками, звезды только белой, но они могут наноситься и двумя красками, белой и красной.

5. Радуга — солоны. Она касается одним (верхним) концом солнца, другим (нижним) концом — земли. Рисуется белой и красной красками.

6. Квадрат — Сабыр піcік — с двумя зигзагообразными линиями внутри, наносится белой или красной красками. Полное название — ақ Үлганиң сабыр біcік — «рукописание Белого Ульгена». Только имея от Ульгена Сабыр піcік, шаман может совершать свое служение.

7. Девять птиц (может быть и восемь). Семь из них или есть называются: «Үлгән жатті кара күш» — «семь черных птиц Ульгена» — или «Күштар Чамбыла-птицы Чамбыла». Рисуются белой краской.

8. Восьмая птица называется „jäc тырмакту кара күш“ — „с медными когтями черная птица“; она же называется еще и „Үлгән күжу бај мүркүт“ — „Ульгена птица большой беркут“. При камлании jäc тырмакту кара күш всегда сопутствует каму, выполняет обязанности слуги: подносит абырты (брегу) духу и, по поручению кама, уносит домой көйкө (берестяной туес), в котором была брага.

Шаман обращается к ней:

Бај Үлгән күжу бај мүркүт,

Жаc тырмакту кара күш,
Тура жіктү төс көноктү,

Аj тырмакка iшіп-ал,

Аj канатка пур кәп ал,

Аттап чыккан ак ардомо

Аттап чыккан ак ајланчыкка,

Ајданып аккір!

Птица богатого Ульгена богатый
беркут,

С медными когтями черная птица.
Берестяной көйкө с поперечным
швом.

На лунообразные когти твои по-
весь,

Лунообразным крылом твоим зате-
мни — прикрой.

В мое жилище, откуда я вышел,
прославляя духов,

К моему чистому жилью — алан-
чику, откуда я вышел, именуя
духов,

Вернишь и внеси!

Ей шаман поручал отнести на отдых свой бубен, когда его бубен „устанет“ от долгого пути. Jäc тырмакту кара күш рисуется на бубне несколько больше других птиц, иногда красной краской, чаще белой.

9. Девятая птица Кан-карамк при камлании исполняла роль разведчика, лежала спереди шамана и обо всем, что узнает, докладывала шаману. Изображается черной краской.

10. Сетка — тор, при помощи которой птицы Чамбыла күштар, по приказанию шамана, ловили ушедшую или унесенную духами душу больного; имеет вид решетки.¹ Рисуется белой краской или белой и красной, или одной красной. Шаман обращался к своим птицам Чамбыла күштар:

Арқай канның чамбыл күштар,
Алтын төр тартып турбар;

Эркей хана Чамбыла птицы,
Золотую сетку натяните.

¹ При камлании подвешивалась к дверям жилища особая сетка, которая также называется тор.

Ат патынчай алтын күттүй,
Айры колбай капчыккар!

Золотую душу с конскую голову,
В когтистые лапы захватите!

11. Бура — кони, на которых „ездят“ Ульген¹, духи земли и сам шаман.¹ На одних бубнах им рисуют восемь, на других — шесть.

Первый конь — бура кама, которому принадлежит бубен.

Камыңыз буразы — „шамана душа бура“. С этим бура связана жизнь шамана. Если у шамана отнять бура, то шаман теряет способность камлать и вскоре умирает. Вот почему каждый шаман старательно прячет своего бура как от других шаманов, так и от враждебных ему духов. Этот бура или совсем белый, или белый с красными точками — чокурат-чубарый конь. Человек, сидящий на нем, — сам кама.

12. Второй конь кызыл бура — „красный бура“ — принадлежит Ульгеню кызыдан тәңәрә. Рисуется красной краской.

13. Третий конь — көк бура — „синяя бура“ — принадлежит Ульгеню токој тәңәрә. Рисуется черной краской.

14, 15, 16. Кони рисуются всегда белой краской. На бубне Канакая их три: это буры ојрот тәңәрә (он же бурхан тәңәрә), тумат тәңәрә и последняя — барс аңаңы бай Улған².

17, 18. На бубне Пәдәк их пять: буры ојрот тәңәрә, тумат тәңәрә, абыш тәңәрә, мордок-хан³ и барс аңаңы бай Улған⁴.

19. Три железные лиственницы Учтәмір тыт, на которых как күш или как карымк (девятая птица, 7, 9) устраивает себе гнездо. В шаманских молитвах говорится, что на этих трех лиственницах вьет себе гнездо ўч тәмір тыт паштарын пүрә тартып, ўя жазыдан мать всех птиц — күш аңаңы курдај-кан. Другое название этих деревьев — ўч пај кајың — три богатые (выдающиеся, развесистые) березы и ўч танты — три танты — ступени или деревья восхождения к Ульгеню.

20. Хранитель шамана камыңыз сакчызы — антропоморфное изображение духа, охраняющего шамана. Камыңыз сакчымы изображается всегда с мечом — кылыш — в руке. Он носит еще другое название: Улған⁵ ұлы кірбі тајат шудузы бай сөйт — сын Ульгена кирби-тай или Бай сөйт — „конская привязь“. Дух этот сопутствует каму в его путешествиях, стоит при дворях, когда кам заходит во дворец того или иного духа. Изображается белой краской.

На нижней половине лицевой стороны бубна нарисованы следующие фигуры (рис. 9):

1. Черный конь адабистің кара бура — „отца нашего Адама черная бура“. Бурой Адама или Ерлика заведует Поручи-хан. Когда шаман камлает Ерлику, он накануне должен совершить специальное камлание — поймать буру Ерлика у Поручи-хана.

2. Квадрат с фигурой человека внутри јжік тәңәрәзі — „дверь небо“ или јжік сакчымы — „хранитель двери“. Это эпитет духа Кара-Адама, который является хозяином всякой двери человеческого жилья. Он же служит „обручем“, охранителем кама. Другое осмысление этой фигуры, как изображение „хозяина погреба“ — позодоның азі кара Гсюш-хана — сына Кара-Адама.

Куда бы ни отправлялся шаман во время камлания, он должен заручиться согласием этого духа. Прежде чем приступить к камланию, шаман просит его помочь ему и дать своего спутника. Без разрешения этого духа шаман не рискует начать свой путь к какому-то ини духу.

Фигура человека посередине квадрата — јжік біjnің сүрү — „изображение хозяина дверей“ — нарисована белой краской.

3. Рыба — кәр-балык. Рисуется белой и красной красками. Волнистая горизонтальная красная полоска внутри должна означать іңи — „внутренности рыбы“.

¹ Прежде чем камлать к какому-либо духу, шаман должен поймать и привязать его бура, иначе может случиться, что, дойдя с большими трудностями до этого духа, шаман не заснет его дома; духи разъезжают на своих бура.

Рис. 1. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

Рис. 2. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

Рис. 4. Бубен с внутренней стороны. (Из коллекции МАЭ, № 2014-3).

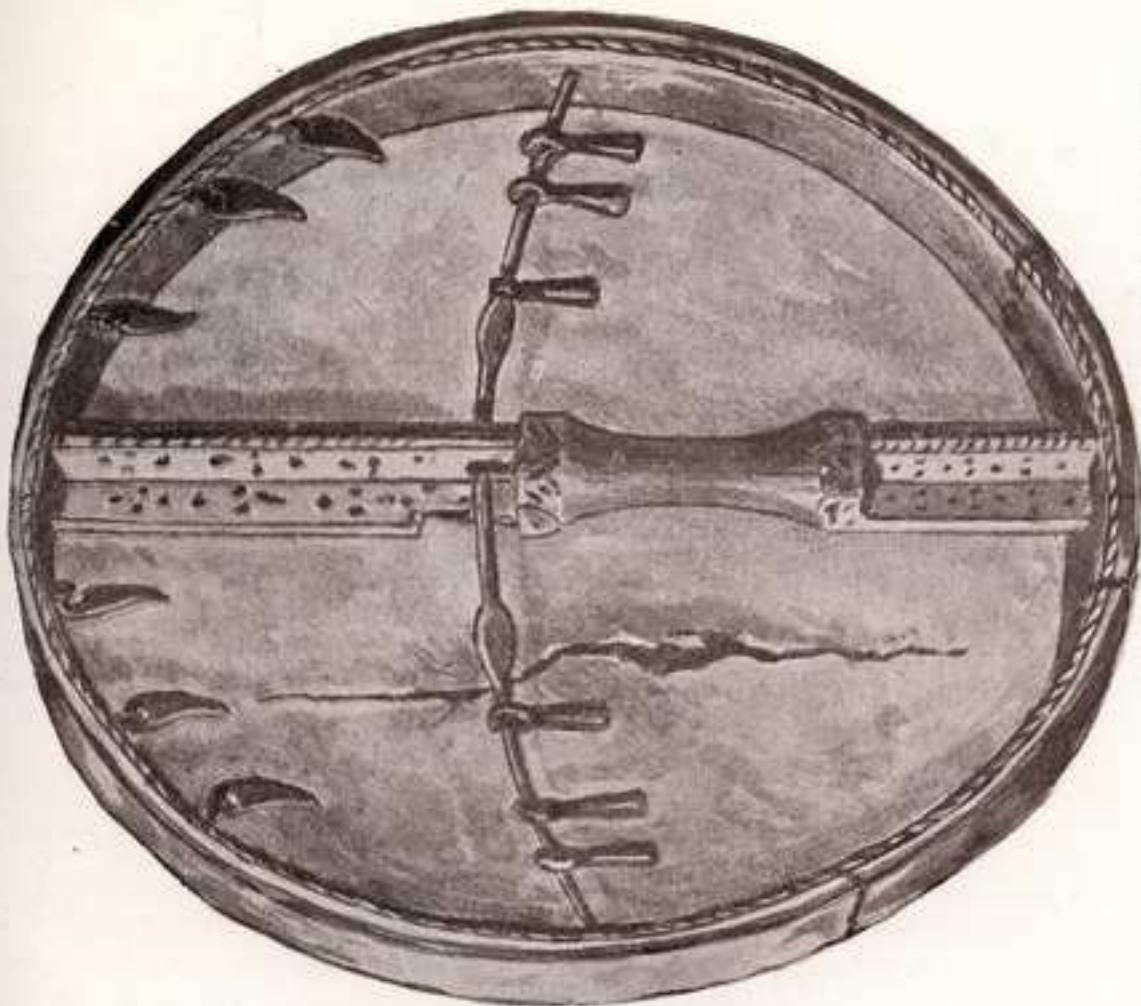
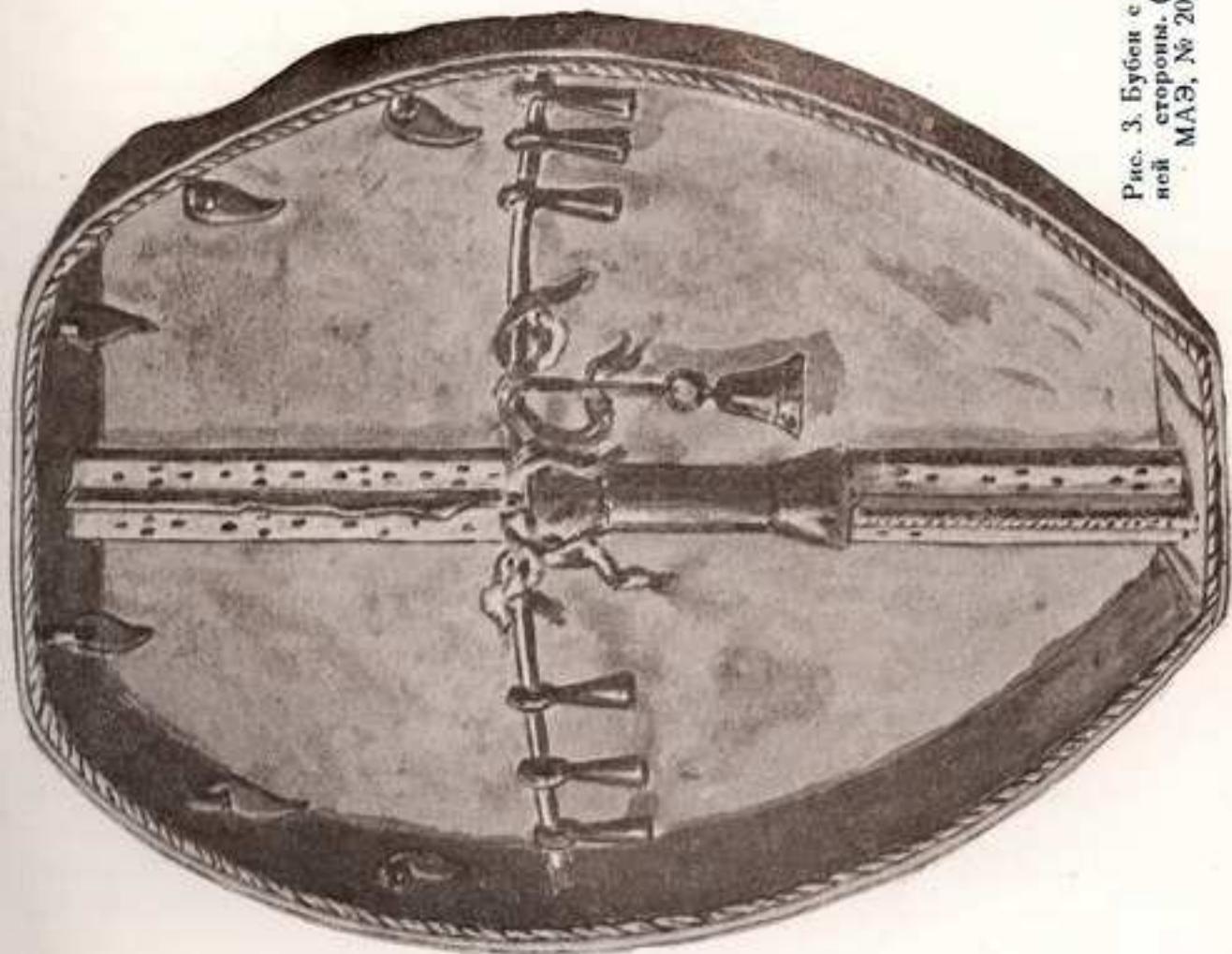

Рис. 3. Бубен с внутренней стороны. (Из коллекции МАЭ, № 2014-1).

Это сын Талай хана — хан из моря, одного из главных персонажей в шаманстве телутов Талај канымц уллын узы томыл: „Кэр-балык — сын Талай хана, с беловатым ртом,¹ чудовище рыба”.² Кэр-балык — необходимый спутник шамана в его опасных путешествиях к духам. Прежде чем отправиться к земным, небесным или подземным духам, во время шаманских действий шаман призывает чудовище „рыбу Кэр-балык” — „сына хана моря” — Талај канымц уллын и, как бы опоясывается ею трижды — курчукат јат (от курчу — обруч, курчул — быть обвитым обручем).³ Отсюда этот дух имеет эпитет — „Тоң курчу — крепкий обруч шамана”.

4. Аягушка — наң, сопутствует каму во время его странствований. Она закрывает своими лапами отверстие у туяса (кёнок), чтобы не пролилась абыртка. Она поддерживает лапами кёнок, чтобы он не падал и не протекал.

5. Змея — јылан с руками и ногами (коым, пудым) в виде полоски с шестью черточками. Нарисована черной краской. Мыслится шаманом, как „обруч земли” — јар курчук јылан. При камлании Мар јәзі делается из теста изображение змеи и кладется под скамейкой около того места, где совершается камлание. Во время путешествия шамана, когда он встретит чью-либо затерявшуюся душу јула, змея, по приказанию шамана, прикрывает собой јула и охраняет ее от злых духов.

6. Черная полоска — јар — земля.

II

Шаман брал законченный бубен, т. е. бубен, на котором уже нанесены рисунки, приступал к первому камланию, во время которого он должен пойти с бубном к хозяину бубна Мар јәзі и посетить всех духов, живущих по пути к нему. Во время этого камлания шаман должен с помощью своих духов разыскать и посетить те места, где росло срубленное для его бубна дерево, где пасся хонь, шкурой которого обтянут бубен, и рассказать об этом присутствующим. Камлание с новым бубном носит название — чалу јыныцаны — „приближение к себе, присваивание бубна”.

Для этого камлания приготавливались:

1. Три берестяных туяса (кёнок) абыртки.⁴ Первый туяс, самый большой, предназначался для чалу јәзі, Мар јәзі кан Кычкыл'а;⁵ туяс меньшего размера — для ак Мар'a — сына кан Кычкыл'а; третий туяс, самый маленький, отдавали в распоряжение

¹ Томул, томды, тоңгул — по одним толкованиям означает „беловатый”, по другим — „как обрубок, усеченный, обрубленный”.

² кэр — буквально гнидой.

³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий т. II. СПб., стр. 955.

⁴ Приготавливали муку из жареного ячменя, истощенного в ступе или смолотого на мельнице. Рожь или ярицу мочили в воде, затем толкали и, выжав руками, смешивали с горячей водой. Прибавив ячменной муки, получали особый напиток „абыртка”. Старились снять ячмень поодаль от жилища, часто специально загораживали площадку, чтобы скот не наступал на посев. Ячмень должен быть „чистым”, никем и ничем не осκверненным, иначе духи не станут пить абыртку и разгневаются на шамана и на жертвователей. Также никто не должен был пробовать приготовленной абыртки. Вот почему в время камлания, угощая духов, шаман постоянно убеждает их в чистоте жертвенной абыртки:

Аріндү мынаң ічкән јок јәдә,
Айкту мынаң таткан јок јәдә,
Мурунду мынаң ічкән јок јәдә,
Јзакту мынаң тарткан јок јәдә

Имеющий губы отсюда не пил,
Имеющий подбородок отсюда не пробозал,
Имеющий рот отсюда не пил,
Имеющий щеки отсюда не пробовал.

⁵ К большему туясу прикрепляют тастарда — берестяную полоску с рубчиками; она служит указанием, какому духу предназначен туяс. Прикрепляя ее к кёнок, указывают имя того духа, которому предназначена абыртка.

самого кама: из него он кропил дорогой, пока не доходил до места обитания духов кан Кычкыл'я и ак Мар'я, своим төс'ям — духам — и јмъык'ам — хозяевам тех местностей, через которые он совершил свой путь.

2. Пять толу; толу — неношенные женские рубахи-платья, собранные на время камлания от женщин улуса, две — для куш Jäläsh и три — для Кычкыл-хана.

Камлание должно было совершаться поздно вечером или ночью, обязательно при зажженном огне (огонь в печи, свеча). Продолжалось оно часов десять — пятнадцать. Шаман камлал в лёгком халате, кафтане из чёрной материи (каптла). Опоясывался зеленою или синею опояской (не разрешается белая опояска) и повязывал голову белым или красным платком. Женщина шаманка камлала в своем обычном платье.

Прежде чем приступить к камланию с новым бубном, шаман совершает „алас“ — обряд очищения, окуривания огнем своего нового бубна (чалу алас), повешенных одежд (толу алас), самого себя (кам алас) и туесов с брагой (кёнок алас).

Шаман сядался в переднем углу на скамейку и брал в руки орбу и бубен и обводил вокруг них зажженым вереском — арчын ёбён, произнося следующие слова:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Ўлганиң от алас,
Ўлгай каның чын алас!
Алты бәркәштү ак аданды
Алты көстү ала барсты!

Одус пашту от ёнай,
Кырык пашту кыс ёнай,
Чійді ползо пыжыраң,
Тоңду полбо ёртқай,
Жажыл јалын кубатту,

Жажыл тюрко кіјымду,
Кызыл јалын кубатту,
Кызыл торко кіјідбу,

Жәтті түшкүн түшкүндү,
Жәтті яјкам яјканда,
Жәтті сырый пажында,
Жәтті кубат ојунда,
Тогус түшкүн түшкүндү,
Тогус яјкам яјканда,
Тогус сырый пажында,
Тогус кубат појунда,
Үч ојоқтың әзі,

Урүм талдың мүүзі кан,

Таш очоқун тудунда,

Талкан күлүн јастанда,

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульген'я огненный алас,
Ульген'я хана истинный алас,
Над шестигорбым бубном,
Над шестиглазым пестрым барсом
(да будет)!

Тридцатиголовая мать — огонь,
Сорокаголовая девица — мать,
Сыре варящая,
Мерзлое оттаивающая,
Зеленое — переливчатое пламя ве-
селящая,
Имеющая одежду из зеленого шелка,
Красное пламя веселящая,
Имеющая одежду из красного
шелка,

На семи спусках спускающаяся,
На семи качаниях качающаяся,
На вершине семи жердей
Имеющая игру семи радостей!
На девяти спусках спускающаяся,
На девяти качаниях качающаяся,
На вершинах девяти жердей
Девять радостей у нее у самой!
Хозяйка трех камней очага — тре-
ножника,

С рогами из плетеного тальника
кан.
Владеющая (держащая) каменным
очагом,
Талкан золу под себя, как подушку,
подстилающая,

От јаказын күбүрәткән,
Одус пашту от ёнай,
Ојон камыш кулакту,

Кырык паштү кыс ёнай,
Кыңдан камыш кулакту,

Ажырсызы ојмок арү,

Ажыра пілған ојмок арү Кајракан!

Көзі јаман көргүтә,
Кууні јаман таңдатпа,

Ак јалкын тартып кәл,
Алты иродо курчап кәл,
Көк јалкың тартып кәл,
Ада болуп, ајлап кәл,
Анай болуп курчап кәл!

Край огня заставляющая играть,
Тридцатиголовая хозяйка огня,
Имеющая уши из согнутого ка-
мыша.

Сорокаголовая девица — огонь,
Имеющая уши из кососрезанного
камыша,

Чистая Оймок (наперсток) всех
превзошедшая,

Сверх знания знающая чистая
Оймок.

Скверному глазу не показывай,
Худому намерению не давай осу-
ществляться,

Белое пламя притяни,
Шестью кругами опояшь,
Синее пламя притяни,
Отцом будучи окружи,
Матерью будучи опояшь!

Шаман кладет бубен на угол, образуемый двумя скамьями, и совершают толу алас и көнөк алас. Шаман обводит важенным вереском вокруг көнөк'ов и толу, говоря:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Ўлғанің от алас,
Үлған каның чын алас!
Алты јакалу аңыр толу,
Абын көчүн чаңылып отур,
Ај оңунча пуралы отур!
Аңым марса јајалы отур,
Тура јіктү тос көнөгүм,

Тәлкілдәән бај сабам,

Ак торға јајалы-отур,
Ај оңунча пуралы отур,
Ак пұлутча јајлан-кір,
Ар алды-мынаң кабылы-отур,
Мәнчә болуп јајалы-отур,
Көдүрмәлү көл тәпшім,

Көк пулутча көчуп отур,
Кін оңунча пуралы отур!

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульгения огненный алас,
Ульгения-хана истинный алас!
С шестью воротами белые толу,
Белым и синим цветом сверкайся,
По луне повертывайтесь.
К белому Мар'у направляйтесь,
С поперечным швом берестяной
мой көнөк.

Покачивающаяся — богатая саба
моя,

Перед белым Мар'ом предстаны!
По луне повертывайся!
Подобно белому облаку, двигайся!
Впереди меня мужа быстро мчись,
Подобно мне несись!
Мое корытце — озеро, годное для
возношения,
По синим тучам продвигайся,
По солнцу повертывайся!

Појыц алас — „алас над самим собой”. Шаман обводил зажженым переском вокруг самого себя три раза по солнцу и обращался также к от ёй:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Йыганиң от алас,
Йыгын канның чын алас!
Кан јолына каңылтып,
Піј толына пук салтып,
Сабылтарға салбақар,

Сајбалтарға пәрбәгәр,
Талашканға пәрбәгәр,
Тартышканға салбақар!

Затем следует обращение к от ёй. Остатки угля от сожженного переска шаман брал в рот — подразумевается, что он освящает этим „свое нутро“; затем клал обуглившийся переск в седельницу, поставленную из скамейку около конёк’ов.

Шаман садился из скамейку (тоду и конёк должны быть обязательно по левую руку от шамана). Он брал бубен и колотушку. Ударял несколько раз. В течение нескольких минут он пел без слов. Затем обращался к „своим“ родовым духам, — т. е. душам умерших родичей шаманов, ставших теперь духами — Төс’ами нового шамана. У каждого шамана свои особые духи — духи его предков шаманов. Здесь мы приводим, как образец, камлание шамана Канакая, рода јутты, которому принадлежал бубен № 2014-1.

Јардым пашкан јас ўланар,
Јардым база јунап кәлгәр!
Лінім паскан ёр улустар.

Лінім база јунап кәлгәр!

Идет перечисление всех умерших предков шаманов, начиная с того шамана, от которого новый шаман получил свой шаманский дар:

Кам Апурнак қасылғам,
Кам Шөлпөктөү тартылғам,
Кам Отконон кычырғам,
Кам Јарыннаң кыңырғам,
Кам Мыткадаң, кам Мітамнаң
Кам Іазы — балық кыңырғам,

Кам Болозок тартылғам,
Кам Сарғадаң тартылғам,
Кам Кобордоң кыңбурғам,

Кам Пёнок пазылғам,
Анаң пашка кан ада...

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульген’я огненный алас,
Ульген’я-хана истинный алас!
По дороге хана (меня) продвигая,
По дороге начальника направляя,
Уклоняться — свернуть с пути, не
давайте,
Колебаться, качаться не допускайте!

На лопатку моего плеча наступив-
шие — молодые юноши,
Давя лопатки мои, соберитесь!
Давящие плечо мое, мужи — народ,
Наступая на плечи мои, соберитесь!

С шаманом Апурнак’ом я сопри-
касался,
От шамана Шөльпөк’а я притя-
нулся,
Из-за шамана Откон’я я вызывал,
Из-за шамана Ерен’я я кричал,
От шамана Митка, от шамана Митем,
Из-за шамана Язи — балык я кри-
чал,
Шаман Болонок меня притянул,
Шаман Сарга меня притянул,
Из-за шамана Кобор’я я бегал и
 крутился, как вихрь,
Шаман Пёнок меня давил,
Кроме них, хан-отец,

Үн салыжа kälär,

Откликаясь на (мой) голос, приходите,

Кыјку салыжа түжүгәр.

Откликаясь на зов, спускайтесь!

Шаман призывал двадцать семь духов jär јол и двенадцать небесных духов пајана. Он звал их и просил ему сопутствовать и помогать.

Начало призыва шамана варьирует в зависимости от того, весной или осенью происходило камлание.

В том случае, когда шаман получал новый бубен весной, он начинал обращение к духам следующими словами:

Айдың ползо, арунда,,
Күннүң ползо, көркүндә,
Жылдың бажы айланқанда,
Жылан бажы сојылаңанда,
Амәл ақаш пүр алғанда,

Аәк куук кыјеңрәнда,
Jär јарылып көк чыкканда,

Ағаш јарылып пүр чыкканда.

При полной луне,
При сиянии солнечных лучей,
Голова года когда повернулась,
Когда змея сбросила свою кожу,
Когда плодовые деревья покрылись листьями,
Когда кукушка закувала,
Когда земля раскололась и показалась зелень,
Когда деревья расщепились и появились листья.

Когда камлал осенью, то говорил:

Коңур малдың,
Коңур күстә,
Комурәі жаңы күжаләнда,

Кү олбұз пажы шужаләнда,
Абын суум кабышканда,

Ak тайка пүрун кар алғанда.

В подобную каурому коню,
В смуглую бурую осень,
Головы дудок борщевника когда измаялись,
Головы трав когда съежились,
Когда текущая вода моя сковалась льдом,
Когда на склон тайги пал снег.

Шаман обращался к двадцати семи jär јолу пајана — духам земного пути:

1

Ур сомә ојноңон,
Пај чалә турлаған,

Кан јарін мінәттү,

Јалбак тәмір јарынду,

Тулку тәмір öзүнду,

На тяжелых сом'ах¹ играющий,
На богатой березе имеющий место обитания,
Ездящий верхом на кроваво-рыжем коне,
С лопатками из широкого — плоского железа,
Имеющий круглую железную грудь,

¹ Сом или чал — молодые березки, которые телеуты ставят около своих домов в начале лета, в честь пяти наиболее уважаемых ими духов jär јол: Тәмір-кан'a, Аракай-кан'a, Орто-хана, Куркаj-хана и йёб-кан'a. Отсюда эти духи, помимо общего названия jär јол, носили еще название „сом“.

Сүм кара таш јүрәктү,

Сунама тәмір յаакту,
Онча поы суи тәмір,
Адам тәмір кан, Кајракан!
Кан ўлұжү канға јёт,
Пү ўлұжү кіңгә јёт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыңды салыжа тұжүгәр!
Тәмір канның уланы,
Тәмір ўзүңә тажа тәпкән,

Тәрлү атка пу пәрбәгән,

Тәмір уя суј тартқан,

Тәмір така пёрүк кіңгән,
Жәләм кіңә сәс пәрбәгән,

Адар оқтуң мәргәні,
Ајдар сөстүң чәчәні,
Албіртисә әр төспөгөн,

Жалбыртына мал төспөгөн,
Каным әркәй кан, Кајракан!
Піј ўлұжү піјгә јёт,

Кан ўлұжү канға јёт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Куңду салыжа тұжүгәр!
Кызыл кумак јаылқан,

Кызыл буралар бајбырқан,
Пәс кумак јаылқан,
Пәс буралар бајбырқан.
Јәтті тәмір тыт пастары,

Имеющий сердце из чистого—
сплошного черного камня
Со щеками из продольного железа.
Сам из чистого сплошного железа
Отец мой железный хан уважаемый.
Доля хана до хана пусть дойдет,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

2

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Железного хана сын,
Железное стремя ногой пробиваю-
щий,

Потому коню не дающий привязи
(не даешь выстояться).

Когда железный лук натягиваешь,
он ломается,

Железную шапку „така“ носишь,
Какому попало человеку говорить
не даешь (слова не даешь),
Пущенной стрелы меткий стрелок,
Произносимых слов красноречивый,
При его движении мужи не могут
устоять,

Вида его не может скот вынести.
Мой Кан Еркей—хан уважаемый!
Доля начальника—пусть началь-
нику достанется!

Доля хана—пусть хану достанется

3

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
[Там, где] красные пески разбро-
саны,

Красная бура неуклюже ступает,
[Там, где] серые пески раскинулись
Серая бура прямо не идет,
Семи железных лиственниц вер-
шины,

Пүрә тартып уја јажанџан,

Күш ёнәзі Курғај кан.

Кан ўлұжү канча јат,

Піј ўлұжү піјгә јат!

Согнув и соединив, гнездо себе
свила

Мать птиц Кургай-хан.

Доля хана пусть достанется хану,

Доля начальника пусть начальнику
достанется!

4

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käligär,

Кыңы салыжа тұжүгәр,

Жажым мүүс тајакту,

Жажыл кіс төжөктү,

Жажыл бұға мінәттү,

Жажыл тібәк тіскіндү.

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите.

Откликаясь на зов, спуститесь!

Имеющий посох из зеленого рога,

Имеющий постелью зеленую кошму,

На зеленом быке ездящий,

Имеющий поводья из зеленого

шелка,

Имеющий посох из красного рога,

Имеющий постель из красной кошмы,

На красном быке верхом ездящий,

Имеющий поводья из красного

шелка,

Красными бура'ми ты управляешь,

[Там, где ты живешь] красные пески

насыпаны,

Серыми бура'ми ты управляешь,

[Там, где ты ступаешь] серые пески,

насыпаны,

Китайская земля там опустошена,

На грани Киргизской земли (ты

живешь),

Хан мой Мордок — кан Кайракан!

Доля начальника пусть дойдет до

начальника

Доля хана пусть достанется хану!

5

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käligär,

Кыңы салыжа тұжүгәр,

Ај чыкпастаң ај чықарсан,

Ајлу әлчә пілчі салсан.

Күн чықарбастан күн чықарсан,

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,

Откликался на зов, спуститесь!

Там, где не должна была взойти

луна, заставил ее взойти,

Живущему под месяцем народу —

мудрость дал,

Там, где не должно было взойти

солнце, заставил солнце взойти,

Күндү әлгә пілчі салған,
 Ай тәңісті пыжықан,
 Ак тәрәгін тәскәрі туткан,
 Чар тәрәгін тәскәрі туткан,
 Адам соо кан, Кајракан!
 Кан ўлұжү канаңа ѫт,
 Піј ўлұжү піјгә јат.

Живущему под солнцем народу
 знак — мудрость предопределил,
 Лунное море взбалтызя — взвод-
 новал,
 Белую пену взметнул,
 Могучий тополь въворотил и кор-
 нями вверх поставил,
 Отец (мой) Соо-кан, Кајракан!
 Доля хана пусть дойдет до хана,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

6

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыңғы салыжа тұжүгәр!
 Ъч тәмір тыт пастаны,
 Пұра тартым уя тартынсан,
 Тәкаләрі тәңарі тірап,
 Пукалары ѡр тәрәгән,
 Күш әнәзі Кылду-кан,
 Кура тарткан ачыј кан,
 Піј ўлұжү піјгә јат,
 Кан ўлұжү канаңа јат.

Кроме того, хан отец,
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Вершины трех жедезных лиственниц
 Принесли, гнездо себе свила,
 Козлы (горные) ее подпирают небо,
 Быки ее в землю упираются,
 Мать птиц Кыйлу-хан,¹
 Спесивая Ачай-хан!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется

7

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыңғы салыжа тұжүгәр,
 Алтон тајка ажылу,
 Јаттан тајка кәчүлү,
 Салам тајка ажылу.

Алтон чардың тәразін.
 Ай чадырса тудунсан,
 Ійттон чардың тәразін,

Кроме того, хан отец,
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь,
 Шестьдесят гор переходящий,
 Через семьдесят гор переваливаю-
 щийся,
 Имеющий местом перевала гору
 Салам,
 В шестьдесят бычьих шкур
 Месяц обернувший,
 Семьдесят бычьих шкур

¹ Кыйлу-хан или Курбай-хан, заведывал птицами ак ўғаның чымбыл күштар, кото-
 рых, шаман встречал на пути к духу Яңис сом'у.

Күн чадырса тудунған,
Ак чалдарда мінәттү,

Айқыр јалду Кірбі-кан!
Кан ўлұжү канча жәт,
Піј ўлұжү піјгә жәт.

На солище растянувший,
Ездащий верхом на бело-игреневом
коне,
С гривой жеребца Кирби-хан!¹
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

8

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа кәлігәр,
Кыңы салыжа тұжүгәр,
Ак жаңыкта суғатту,

Танај көлдә ордолу,

Малкылдаған Көлдү-кан,

Каркылдаған Күшту-кан,
Парс тәразі тон күйгән,
Парстаң чоккур ат мінгән,

Анам маңыл, Кајракан!
Пұ ўлұжү піјгә жәт,

Кан ўлұжү канча жәт!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь,
Из белого разлива (жаңык'а) имею-
щая питье,
На озеро Танай имеющая стоянку
(берлогу),
Имеющая прозрачное — колеблющее
озеро, хан,
Имеющая каркающих птиц, хан,
Одевшая шубу из шкуры барса,
Ездающая верхом на коне, более
пестром, чем барс,
Мат Майгыл Кајракан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется.

9

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа кәлігәр,
Кыңы салыжа тұжүгәр!
Жылқылуда јылмај кан,
Мал жадарған таңзыр кан!
Кан ўлұжү канча жәт,
Піј ўлұжү піјгә жәт!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Для табуна конейты Жылмайх-ан,
Пасущий скот Манзыр-хан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

10

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа кәлігәр,
Кыңы салыжа тұжүгәр,
Жәрім суум әдәң,
Жоттон ала суум әдәң,

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Моя вода и земля ты есть,
Ты есть семьдесят моих гор,

¹ Кірбі-хан носил еще имя Іаңыс сөм. Этого духа телесуты считали чужим, ставя ему березку поодаль от пяти берез, поставленных для своих близких духов. Духа этого рассматривали как злого, ему приписывали насыщение на людей болезней.

Үссүн јаның көк палат,
Јаттон кіжі тајакту,

Көк саак пörük кіїсән
Көк пос адан јаратқаң,
Көк пörүдә ѡлөктү,

Көк Уләндә јарғылу.

Алдың јаның ақ палат,
Алтон кіжі ѡлөктү,

Ак пос адын јаратқан,
Ак саак пörük кіїгән.
Ал пörүдә ѡлөктү,
Ак Ўләндә јарымла,
Адам пörүчі кан, Кајракан!
Піј ўлұжү пұчә јәт,

Кан ўлұжү канса јәт.

Вверху у тебя синие палаты,
Посохом — опорой служат тебе
семьдесят человек,
Одевший синюю шапку „саак“,
Выбравший себе сине-синого коня,
Имеющий опорой синего волка
(садящий на синем волке),
Получивший решение у синего
Ульгения,
Внизу у тебя белые палаты,
Опорой твоей служат шестьдесят
человек.
Бело-синего коня снаряживший,
Белую „саак“ шапку надевший,
На пестрого волка опирающийся
Имеющий приказ от белого Ульгения
Мой отец Поручи-хан,¹ Кајракан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется.

11

Анаң пашка кан ада...
Үи салыжа кәлірәп,
Кыңы салыжа түжүгәр,
Алтын конру каңышкан,
Адыш кујсан Алтай-Кан!

Күмүш конру каңышкан,
Күрәш кујсан, Алтай-Кан!

Алтын туда ордолу,

Алтын көлдө сузатту,
Каным болзо Алтай-Кан, Кајракан!
Кан ўлұжү канса јәт,
Піј ўлұжү пізә јәт!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Золотыми колокольцами звенящий,
Мужественный (преследующий
стрельбу) Алтай-хан!
Серебряными колокольчиками зве-
нящий,
Бесстрашный (борьбу преследую-
щий) Алтай-хан!
Имеющий жилище свое на золотой
горе,
Имеющий питье из золотого озера,
Мой хан-Алтай, Кајракан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

¹ Поручи-хану телеуты поручали охрану своих табулов. Поручи-хан управляющий волками, хан — владелец волков. Легенды связывают имя этого духа с волчицей (пöрү — 'волк').

12

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Алтај канымң адазы,
 Алтын тууда ордолу

Үң адтын көл сузатту,
 Үң ўжіктү Үльбүк-Кан!
 Піј ўлұжү піјгә жәт.
 Кан ўлұжү канца жәт!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Отец Алтай-хан,
 Имеющий местообитания (берлогу)
 на золотой горе,
 Имеющий водопой на трех золотых
 озерах,
 Имеющий при двери Үльбүк-хан!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

13

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Үльбүк канымң адазы,
 Алты мыңк санду,
 Ат көдүрбәс Пұдај-Кан,

Тіл пілішпәс Монур-Кан!
 Кан ўлұжү канца жәт,
 Піј ўлұжү піјгә жәт!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Отец Ульбүк-хана,
 Шесть доных зверей имеющий,
 Пуудай-кан, которого конь не может
 поднять,
 Не имеющий ни с кем общего
 языка Монур-кан!
 Доля хана пусть хану достанется,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

14

Анаң пашка кан Ада...
 Ўн салыжа кәлігар,

 Кыңы салыжа түжүгәр,
 Агаш талку әзі,
 Адам Пёрүчі-Кан, Кајракан!
 Ак пос адым жараткан,
 Ак Үлғандә жарылу;
 Көк-пос адым жараткан,
 Кө; Үлғандә жарылу.
 Ак қазқ пёрүк күргән,
 Абыл Пёрүчі-Кан, Кајракан!

Піј ўлұжү піјгә жәт,
 Кан ўлұжү канца жәт!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, при-
 дите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Хозяин деревянной талку,
 Отец мой Пёрүчи-кан-Кайракан!
 Бело-сивового коня выбравший,
 По определению белого Ульгена;
 Сине-серого коня выбравший,
 По определению синего Ульгена;
 Белую шапку „каак“ носящий,
 Мой отец Пёрүчи-хан!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется.

¹ Пёрүчи — ловец, управитель, ~~ваддел~~ волков

15

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа kälirär,
 Кыјы салыжат ўжүгär,
 Џал јүрәкчä јалду кан,

 Јарыш ајмаш окту кан,

 Күл јуракчä јалду кан,
 Күрәш ајмаш окту кан,

 Ала шакка ат мингän,
 Ала шармат тон күгän,
 Ала јымырт тајакту,

 Ајбыр күзän камчылу,

 Тämir. талку äzi,
 Адабистىң уланы,
 Адам Шаңай, Кајракан!
 Кан ўлүжү канча јät,
 Пij ўлүжү пijgä јät!

Кроме того, хан отец,
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Отзываясь на зов, спуститесь.
 Имеющий гриву размером с сердце,
 хан,
 Имеющий боевую ступню (спо-
 собную состязаться в бегах и
 схватках),
 Имеющий гриву с сердце,
 Имеющий быструю стрелу для
 битья,
 Ездящий на пегом чубаром коне,
 Одевший клетчатую шубу,
 Имеющий посох из пестрой чере-
 мухи,
 Имеющий платье из шкуры самца
 хорька,
 Хозяин железной талку,¹
 Отца нашего Адама сыи,
 Отец мой Шагай-Кайракан!
 Доля хана пусть хану достанется
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется.

16

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа kälirär,
 Кыјы салыжа түжүгär,
 Ај каразы јорукту,

 Ају пашмак öдүктү,
 Түн каразы јорукту,
 Түктү пашмак öдүктү;
 Алтон ају тäразi

 Ajak учка јätpäjtäni,
 Jättöñ ају тärazi,
 Jaң учунан јätpäjtäni,
 Käpä сбом азулу,

 Käzik пычкак тырмакту,

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь,
 Имеющий промысел на ущербе
 месяца,
 Имеющий сапоги из медвежьих шкур,
 Имеющий промысел в темноте ночи,
 Имеющий шерстистые сапоги;
 Шестидесяти медвежьих шкур (тебе)
 до конца ноги нехватает,
 Семидесяти медвежьих шкур
 Нехватает тебе на рукава.
 Коренной зуб у тебя с четверть,
 Когти у тебя с отрубленные ноги —
 (кисы),
 Родившийся наделенный большей
 силой, чем его отец.

¹ Талку — это колодка, в которую заковывали наказанных.

Адазынаң күчтү тубан,
Адам күчтү, Кајракан,

Үч ажиктү кара Гёбш-Кан!
Кан ўлұжу канча жәт,

Пің ўлұжү піјгә жәт!

Сильный отец мой-Кайракан,
Имеющий три двери черный Гобаш-хан!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику достанется

17

Анаң башка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыңы салыжа түжүгәр!
Jäp пүдүрә пүктән кан,

Jäc кобордо коркон кан,

Үлгән-мынаң ўзүлү,
Jүс-мынаң јарбылу

Улу көрүк пазылән,

Сун молоток каңылән,
Сү көрүгү созулән,
Улү көрүк пазылән,
Улу завот соңулән,
Үлгән ажик Казыр-Кан,
Үч ажиктү Карап-Адам!
Пің ўлұжү піјгә жәт,

Кан ўлұжү канча жәт!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на зов, спуститесь!
Прежде, чем сотворилась земля,
создавшийся хан,
До того, как образовалась медь,
образовавшийся хан,
Имеющий связи с Ульгенем,
Входящий в число двадцати семи
духов „jäp — jol“,
Нажимаемый — надавливающий великий мех,
Ударяющийся молот,
Водяной мех растягивающийся,
Великий мех надавливаемый,
Великий завод сооруженный,
Ульгена дверь Кагыр-хан,
Имеющий три двери Кар-Адам!
Доля начальника пусть начальнику достанется.
Доля хана пусть хану достанется!

18

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыңы салыжа түжүгәр,
Болот кылыш бај биржан,
Jуда бажын мајтардан,
Појтојдың піјін мокорбон,
Jуда бажы јыш полбон.
Кікі јүзү өрт полбон,
Кастактары канча күргән,
Jäbäläpi јінгә кіргән,

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь,
Стальной мечом владеющие,
Концы пик притупившие,
Начальника Бойдоя покорившие,
Концы пик были как тайга,
Лица людей были как пламя;
Стрелы их горели в крови,
Наконечники стрел горели в сукровице.

Кажат јәргә ојун салған,
Катү таштан күjak салынған,
Кара таштаң уја тартынған.
Тұмән тәләңәт чыккан jär!
Кандар піjläp, Кајракан!
Кан ўlужү канча jät,
Піj ўlужү піjgä jät!

Устроившие игру на холмистом
месте,
Из твердого камня кольчугу на себя
возложившие,
От твердого камня происхождение
имеющие!
Земля, откуда вышло множество
телеутов!
Ханы, начальники уважаемые!
Доля хана пусть до хана дойдет,
Доля начальника пусть до началь-
ника дойдет!

19

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түжүгäр!
Суу солоңы союзден,
Сү änäzi Сулаj-Кан!
Кöбүктүdä Köлбөj-Кан,
Балыктүdä Болоj-Кан,
Чыбытүdä Чымай-Кан,
Jötti кыjычак кымылдан,
Тал таптылу Талаj-Кан!
Піj ўlужү кіjgä jät,
Кан ўlужү канча jät!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, придите!
Бьющаяся о воду радуга,
Мать вод Сулай-хан!
В пенистых водах Кольбой-хан,
В водах, полных рыбы, Балай-хан,
Там, где скопляется влага, Чымай-
хан,
Крутящийся в семи водоворотах,
Имеющий тапты-тал Талай-хан!
Доля начальника пусть до началь-
ника дойдет,
Доля хана пусть до хана дойдет!

20

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түжүгäр!
Jaýyk түбүн jajкасан,
Täciс түбүн тәnsägäin,
Талаj канның ўланы
Ўзў томул кәр балыk,
Ар боjумың тоң курчүm!
Кан ўlужү канча jät,
Піj ўlужү шіjgä jät!

Кроме того, хэн отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на зов, спуститесь!
Дно разлива качающий,
Дно океана колеблющий,
Сын Талай-хана — моря-хана.
С усеченным ртом чудовище —
рыба,
Меня мужчину опоясывающий креп-
кий обруч!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

21

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligräp,
 Кыңы салыжа тұжүгәр!
 Одус пашту от ёнай,
 Кырык башту кыс ёнай,
 Чыңді ползо, кыжырған,
 Тоңду ползо, ёрітқан!
 Ада болуп сыккан кан,

Әнә болуп камышкан кан!
 Жаңыл јалын кубатту,
 Жаңыл торко кіјімдү,

 Кызыл јалын кубатту,
 Кызыл торко кіјімдү!

Жатті тұшкүн тұшкүндү
 Жатті јајкам јајкамду,
 Жатті сырыйк пажында,
 Жатті кубат ојынду,
 Тогус јајкам јајкамду,
 Тоңус тұшкүн тұшкүндү,
 Тогус сырыйк пажында,
 Тогус сырыйк пажында,
 Уч очоктың әзі,
 Ўрұм талдың мүэзі
 Таң очоңи салынсан,
 Талкан күлүн јастансан,
 От јаказың ојноткон,
 Күл јаказын күбүрәткән,
 Одус пашту от ёнай,
 Ойсон каныш кулакту,
 Кырык пашту от ёнай,
 Кыңан камыш кулакту.
 Ажырсызы ојмок ёру,
 Ажыра білгән ојмокару, Кајракан!
 Нің ўлужү піјгә жәт,

 Кан ўлужү канса жәт!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Тридцатиголовая огонь мать,
 Сорокаголовая девица мать,
 Сыре варящая,
 Как мерзлое оттаивающая!
 Отцом будучи, огонь высекающий
 хан,
 Матерью будучи, зажигающий хан!
 Зеленое пламя веселящая,
 Имеющая одежду из зеленого
 шелка,
 Красное пламя веселящая,
 Имеющая одежду из красного,
 шелка,
 На семи спусках спускающаяся,
 На семи качаниях качающаяся,
 На вершинах семи жердей,
 Имеющая семирадостную игру,
 На девяти спусках спускающаяся
 На девяти качаниях качающаяся,
 На вершинах девяти жердей
 Девять радостей имеющая.
 Хозяин трех очагов — треножника
 С рогами из плетеного тала,
 Каменный очаг на себя возложившая,
 Толкан золу под себя подстелившая
 Края огня заставляющая играть,
 Края золы разрыхляющая,
 Тридцатиголовая огонь мать,
 С ушами из согнутого камыша,
 Сорокаголовая девица мать,
 С ушами из кососрезанного камыша,
 Все превосходящая Оймок чистая.
 Мудрейшая Оймок ару-кайракан!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

22

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligräp,
 Кыңы салыжа тұжүгәр!

Кроме того, хан отец,
 Откликаясь на (мой) голос, придите
 Откликаясь на зов, спуститесь!

Ары мардың әк тајлік,
Ак пос адын јараткан;
Көгү мардың көк тајлік,
Көк пос адын јараткан;
Көк марын тајанған,
Көдү марын тудунған,
Ак аданның әзі,
Ак мардың әк тајлік,
Айым յалду кыс жәләс!
Кан ўлұжү канаңа јат,
Піј ўлұжү пірға јат!

Чистого мар'а белый конь (тайлык).
Бело-сивого коня снарядил в путь;
Синего мар'а синий конь (тайлык).
Сине-серого коня снарядил;
На белый барс (мар) опирающийся,
Синий мар (барс) держащий,
Белого бубна хозяин,
Белого мар'а белый конь (тайлык)
С гривой жеребца девица телес!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

23

Анаң пашка как ада...
Ү салыжа кәлігәр.
Кыңы салыжа түжүгәр!
Алты әркөштү әк аданның әзі,
Ала барстың сүрмәлі,
Ак мардың адазы,
Айым յалду Кан-Кычкыл!
Піј ўлұжү пірға јат,

Кан ўлұжү канаңа јат!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Хозяин белого бубна о шести горбах
Пестрого барса изображение,
Белого мар'а отец,
С гривой жеребца хан-Кычкыл!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

24

Анаң пашка кан ада!
Ү салыжа кәлігәр,
Кыңы салыжа түжүгәр!
Алты сомның адазы,
Үр сомның әзі!
Бај чалқа сурлаған,

Үч тәңәрә тәбілгән,
Тәмір капкак кабылған,
Таңдақ пазылған,
Алты параты ачыл-јабылған,

Алды сөбігү сајланған,
Күштүн сөбігү күжалған,
Күшкочак әтпәс куба чөл,

Саңыскан әтпәс сары чөл!

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Отец золотых сом'ов,
Тяжелых сом'ов хозяин,
На богатых берегах (блестящий)—
сверкающий!
Тroe небес тобою пропонуты,
Железную крышку хватающий,
На зарю наступающий!
Золотые ворота открываются и за-
кзываются,
Кости диких зверей рассыпаны
Кости птиц сокрушены,
Бледная степь, через которую про-
летит пташка,
Желтая степь, через которую про-
летит сорока!

Аттар ашпас ај муус,

Ак чалдарда мінәтү,
Айыр јалду јоо-Кан!
Кан ўлұжү канса јат,
Піј ўлұжү піјгә јат!

Рогообразная гора, через которую
конь не перейдет!

На бело-игреневом коне ездящий,
С гривой жеребца јоо-хан!¹
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

25

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Кыңға салыжа түмбәр!
Әл әнәз Аңқай-Кан,
Әкі көзін чаңылдан,
Јар түнүктің әзі-Кан!
Піј ўлұжү піјгә јат!

Кан ўлұжү канса јат!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на мой зов, спуститесь!
Мать народа, Енкей-хан,²
С двумя сверкающими глазами,
Земной щели — тюнок'а — хозяйка!
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

Доля хана пусть хану достанется!

26

Анаң пашка кан ада!

Үн салыжа кәлічәр,

Кыңғы салыжа тужүгәр!
Анаң јадып јајајтан,
Анаң јадып тәмдәйтән,
Ончолордың пашчызы,
Толојлордың кіндігі!
Казы карта баркызың,
Кара аракы сүғадың!
Кулаш полбон окту кан!

Кроме того, хан отец!

Откликаясь на (мой) голос, при-
дите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Лежа сотворяющий,
Лежа устремляющий к жизни,
Всего глава,
Всех и всего пуповина!
Опохмеляешься жиром сыруга,
Пьешь черную водку!
Имеющий стрелу в сажень хан!

¹ јоо-хан, по представлению телутов, жил где-то за горизонтом — „за утренней зарей“ — за тем местом, где небо упирается в землю. Небо через определенные промежутки времени то опускается, то поднимается.

Когда шаман комкал јоо-хану, он должен пройти с жертвой через основание неба — тәңәрә төзүн одүпчыкіт — успеть пройти, иначе его придавит вечно находящийся в колебании и ритмичном движении небесный свод. У этого опасного прохода лежат груды костей погибших, прихлопнутых здесь зверей и птиц. Земля, находящаяся за пространством, простирающимся за тәңәрә төзү, т. е. за основанием неба, носит название чим јар — истинная земля.

² Аңқай-хан — живет по пути к јоо-хану у јарызы земной щели или јар кіндігі — у „пупа земли“ или јар түнүгі „земного отверстия“ (түнүк — дымовое отверстие юрты, дымоход жилища).

Курдак јётпәс пәлдү кан,

Кучак јётпәс мојынду,
Курчаңа түшкән саңалду.

Канџа чапкан чырајлу,
Карыш камакту Кан-Әрлик!
Кара кумдус төжөктү,
Кара мыјык саңалду,
Кәр кумдус төжөктү,
Кәр мыјык саңалду,
Кара арғымак мінатү,
Кара пулут ојонду,
Кәр арғымак мінатү,
Кәсмәк пулут ојунду.

Кара килиң тон күргән,
Кәр арғымак ат мінгән,
Кәр килиң тон күргән,

Кәр арғымак ат мінгән!
Јанду суруң јәр јајкар,

Jaak саңалың төш јајкан,

Андү сууруң јәр јајкан,

Әәк саңалың төш јајкан,
Әңдәрбист! әндәргән,
Әрлик адам ўч поокту!
Поок торбосту поокторон,

Пурул адам ўч поокту!

Кан ўлужү канџа јәт,
Пиј ўлужү піјгә! ат!

Затем шаман призывал двенадцать брогү (брөгү) или бајана — небесных духов.

1

Алты катта ај ада!
Паш катта күн анә!

Имеющий поясницу, для которой
нехватит никакой опояски
Имеющий шею, которую не охватить,
Имеющий бороду, доходящую до
пояса,

Имеющий румяное лицо,
Имеющий лоб в четверть жан-Ерлик!¹
Имеющий постель из черного бобра,
Имеющий бороду из черной шерсти,
Имеющий постель из гнедого бобра,
Имеющий бороду из гнедой шерсти,
Ездящий на черном иноходце,
Играющий черными тучами,
Ездящий на гнедом иноходце,
Играющий с кучевыми — (чернова-
тыми) тучами,

Одевший шубу из черного бархата,
Ездящий на черном иноходце;
Одевший шубу из коричневого
бархата,

Ездящий на карем иноходце!
Круп твой с выдающимися боками
качет — колыхает землю
На щеках борода твоя колыхает
грудь.
Того, кто ни перед кем не сги-
бался,
Заставивший согнуться,

Отец Ерлик трехзубый,
Того, кто никогда не сгибался, за-
ставивший согнуться,
Отец мой Бурул трехзубый.
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

На шестом слое неба отец месяц!
На пятом слое неба мать солнце!²

¹ Ерлик или, как его чаще называли, Адам (т. е. мой отец) пользовался особым почитанием у телесотов. Он жил на чин јәр — истинной земле, далеко за пределами тайфы төзи за основанием неба.

² См. рисунок на бубне, рис. 8, 1, 2, стр. 110.

Үч катта ёнам Погош, Каиракан!
 Торт катта ёнам яуучы Тайярал!
 Кан ўлужү канча јёт,
 Пиј ўлужү пижә јёт!

На третьем слое неба мать моя
 Погош, Каиракан.
 На четвертом слое неба мать моя
 творец неба!¹
 Доля хана пусть хану достанется,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

2

Анаң пашка кан ада!
 Ўн салыжа кәлигәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Азарә пулут ауактү,
 Жажыл пулут якалу,
 Жатти тапты тапталсан,
 Жатти катта куиду,
 Ёнам мәргән тайярал!
 Пиј ўлужү пижә јёт,
 Кан ўлужү канча јёт!

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
 Полы (одежды ее) — кучевые
 облака,
 Ворот ее — зеленое облако;
 На седьмую тапты — наступающая!
 Имеющая место игры на седьмом
 слое небес,
 Мать моя Мерген небо — Мерген
 тендер!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

3

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа кәлигәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Сәгіс катта ојунду,
 Сәгіс тапты тапталсан,
 Шарт аябкан пәттү кан.
 Чаңыр јалдыс көстү кан,
 Ајас көстү Чаңыр-Кан,
 Пулут пәттү Бура-Кан,
 Ёнам Бура тайярал!
 Кан ўлужү канча јёт,
 Пиј ўлужү пижә јёт!

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
 На восьмом слое неба имеющая
 место игры;
 На восьмую ступень наступающая,
 Лазурь небес — лицо его,
 Звезды чаңыр — глаза его,
 С ясными сверкающими глазами
 Чагыр-хан,
 С видом как облако, Бура-хан,
 Мать моя Бура — небо!
 Доля хана пусть хану достанется,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

¹ Яуучы-хан — творец, она творит кит — „уми детей“.

4

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр,
 Тоңус тапты тапталған.
 Тоңус катта ојунду,

 Пај караңај таптылу,

 Пала кузук сүдәрлү,

 Ак чударса кіjімдү,
 Ак пос пұра мінәттү.
 Алты тәңара адазы,
 Алты өркөштү адам Абајош тәңәрә!

 Піj ўlүжү піjгә jät,

 Кан ўlүжү канңа jät!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь,
 Наступающий на девятый тапты,¹
 Имеющий игру на девятом слове
 небес,
 Имеющий своей тапты богатую,
 густоветвистую сосну,
 Имеющий покров — тень от моло-
 дого кедра,
 Одеждой ему служит белый плащ,
 Ездящий на бело-сивой буре,
 Отец шести небес,
 Имеющий шесть горбов отец Аба-
 юш — небо!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

5

Анаң пашка кан ада!
 Ўн салыжа кәлігәр,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Тоңус тапты тапталған,
 Тогус катта ојынду.

 Жазыл-пурас мінәттү,
 Жазыл жібәк тіскіндү,
 Жазыл пулут өркөшту,

 Жазыл солоңы тајакту,
 Кызыл пурас мінәттү,
 Кызыл жібәк тіскіндү,
 Кызыл пулут өркөштү.
 Кызыл солоң тајакту.
 Адам Кызыған тәңәрә!

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
 Наступающий на девятый тапты,
 Ведущий игру на девятом слове
 неба,
 Ездящий на зеленой бур'а,
 Имеющий повод из зеленого шелка,
 Горб его — зеленое лазурное об-
 лако,
 Посох его — зеленая радуга,
 Ездящий верхом на красной бур'а,
 Имеющий повод из красного шелка,
 Горб его — красное облако,
 Посох его — красная радуга,
 Отец мой Кызыган небо!

¹ При жертвоприношениях верховным небесным духам, в частности, Ульгеню ставили в специально сооруженном шатре (из жердей) — сөйлүт — березу (у березы обрубали ветви и оставляли лишь вершину). На стволе этой бересы делали зарубки. Число зарубок зависело от того, на каком слове неба живет дух, которому совершилось камлание. Эти зарубки носили название тапты и символизировали сдов неба (кат). Во время жертвоприношения шаман совершил как бы восхождение на небо по этим тапты. В представлении о березе, на шестнадцатой зарубке — тапты, на которой жил сам Ульгенъ, — нашло свое отражение представление о мировом дереве, вершиной которой достигающим небес. Сама береза в молитвах также носила название «тапты».

Кан ўлұжү канча жәт,
Піј ўлұжү піјгә жәт!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

6

Анаң пашка кан ада!..
Үн салыжа käliräp,
Кыңы салыжа тұмұрәп!
Он тапты тапталған,
Он катта оյынду,

Жақыл пулут јакалу,
Кызыл пулут өркөштү,
Ајас пулут nölö алған!
Абый поғыj пос пуралу,
Адам жәрі Ak-Тумат!
Пос пурулар бајбырған,
Адам Тумат-Тәңәрә!
Піј ўлұжү піјгә жәт,

Кан ўлұжү канча жәт!

Кроме того, хан отец!..

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь
На десятый тапты наступающий,
На десятом слое неба ведущий
игру,

С воротом из зеленого облака,
С горбом из красного облака,
Ясное облако разделивший!
Наполненная сверкающими бурами,
Отца моего земля — Белый Тумат!
Сивыми бур'ами владеющий,
Отец мой Тумат небо!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

7

Анаң пашка кан ада!..
Үн салыжа käliräp.
Кыңы салыжа тұмұрәп!
Он біr тапты тапталған,

Он біr катта ойнуду,

Үч сүдәрін сајынған,
Уч солмоны сурлаған,
Әбіr чабіr јылдысту,
Әбіr чыккан ақашту,
Тізіn ала поокту,
Тоббіn ала чоокту,
Адам поокту Кан-Кайракан!
Кан ўлұжү канча жәт,
Піј ўлұжү піјгә жәт!

Кроме того хан отец!

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На одиннадцатый тапты наступающий,

На одиннадцатом слое неба имеющий
игру,

Три покрова на себя возложивший,
Три утренние звезды его сверкают,
С разросшимися кругом деревьями,
С восшедшими кругом звездами,
С зобом, спускающимся на грудь,
С блеском на темени,
Трехзубый отец мой хан-Кайракан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

8

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käliräp,
Кыңы салыжа тұмұрәп!

Кроме того, хан отец!

Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Он бір тапты тапталған,
Он әкі катта ојунда,
Кара кіш јакалу,
Жажыл күмдус әдәктү,
Жажыл пулут өркөшү,
Адам кара кіш тәңәрәл
Пій ўлұжү піјрә јат,
Кан ўлұжү канса јат!

На одиннадцатый тапты наступающий,
На двенадцатом слое неба имеющий игру,
Имеющий ворот из черного соболя,
Имеющий полы из зеленого бобра,
Имеющий горб из зеленого облака,
Отец мой черный соболь небо,
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

9

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыјы салыжа түжүгәр!
Он әкі тапты тапталған,
Он әкі катта ојунду,
Јаш тәңәрә јажыткан,
Көк тәңәрә қозуткән,
Күзүрт шаңырт ојунду.
Ак Улғаниң арбын баш,
Ат көдүрбәс „сыман“ таш,
Үлған канның „Сургун“ таш,
Кан Улғаниң кызыл таш,
Јајучының јажыл таш,
Адам јада-тәңәрә!
Кан ўлұжү канса јат,
Пій ўлұжү піјрә јат!

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На двенадцатый тапты наступающий
На двенадцатом слое неба имеющий игру,
Молодое небо мокраяший,
Синее небо мутнящий,
Раскаты грома игра его,
Белого Ульгения „аркын“ камень,
„Сыман“ камень, который конь не поднимет,
Белого Ульгения „Сургун“ камень,
Хана Ульгения красный камень,
Творца зеленый камень,
Отец мой јада¹ — небо!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику достанется.

10

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыјы салыжа түжүгәр!
Он әкі тапты тапталған,

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос,
придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На двенадцатую тапты наступающий,

¹ Јада таш — камель, синоним которого производили „дождь, снег или ведро“ (В. В. Серб и Ф. Кий, ук. соч., стр. 66).

Он ўч катта ојынду,
 Ајланыжа ај качырған,
 Алтын караңт жаңынан,
 Ајса күнгә шаңырту,
 Көлөнүжә күн качырған,
 Күміш караңт жаңынан,
 Күнгә ајса пызырған,
 Аксай Мәксай тәңәрә!
 Адам пыркан тәңәрә!
 Піј ўлұжү піјгә жәт,
 Кан ўлұжү канқа жәт!

На тринадцатом слое неба имею-
 щий игру,
 Обойдя месяц, за ним гнался,
 Золотую карету себе запрягший,
 Между луной и солнцем гром низ-
 вергающий,
 Подкрадываясь, гнался ты за солн-
 цем,
 Серебряную карету для себя за-
 прягший,
 Сверкающий при солнце и луне
 Ексеj Мексеj небо,
 Отец мой бурхан — тенере (пуркан
 тенере).
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

11

Анаң пашка кан ада!
 Үн салынжа кәлірәр,
 Кыңым салынжа түжүгәр!
 Он ўч тапты тапталған,
 Он торт катта ојунду,
 Ак Пудајдаң айрылған,
 Ак Мустајдаң пөлүнгән,
 Мүс пырчактаң айрылған,
 Астај Мустај әкі кыс!
 Сүткә пассан таманду.
 Ак ўрұстә жарукту,
 Мустај каның жәні,
 Тәкші тәңәрә тәзші адабас,
 Адам Тотој-Тәңәрә!
 Кан ўлұжу канқа жәт,
 Піј ўлұжү піјгә жәт!

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
 На тринадцатый тапты насту-
 пающий,
 На четырнадцатом слое неба имею-
 щий место игры.
 От хана Пудай (пшеница) отделив-
 шийся,
 От хана Мустая (белого льда дяди)
 разделившийся.
 От белой ледяной кручинки —
 льдинки отделившийся,
 Астај Мустай две девицы!
 Имеющие ступни, наступающие
 на молоко,
 Имеющие промысел на белом
 изваре,
 Племянники Мустая (льда — хана —
 дяди)!
 Все небеса (всех небесных духов)
 все не назвать!
 Отец мой Тотой — небо!
 Доля хана пусть хану достанется,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

12

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа кәлігәр,
Кыјбы салыжа түжүгәр!

Он баш тапты тапталған,

Он алты катта ојунду,

Адам пыркан ару қыстар,
Адам пыркан жәлү қыстар!
Он әкі сәлмәнчік тәбілғән,

Он алты катта ојунду,

Тогус сәлмәнчік тәбілғән,
Тогус сырыйк ојунду,
Жатті сәлмәнчік тәбілғән,

Жатті сырыйк ојунду,
Адам пыркан, пыркан ару,
Адам пыркан, жажыл ару,
Адам пыркан насарап ару,
Адам пыркан алтын ару,
Адам пыркан пұдај ару,
Адам пыркан пырчак ару!
Пұдај чылап пурулғандар,

Курчак чылап төгүлгәндәр,
Кыјбылуңа қычалулаар,
Кызыл кошто жәмәттүләр-жәмәйләр,
Әнәм болзо қыстар ару!

Піј ўлұжү піјгә жәр,
Кан ўлұжү канча жәт!

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа кәлігәр,

Кыјбы салыжа түжүгәр!

Он алты тапты тапталған,

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите.
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На пятнадцатый тапты наступающий,
На шестнадцатом слое неба имеющий место игры,
Отца моего Бурхана чистые девицы,
Отца моего Бурхана глупые девицы,
На двенадцать качелей ногой наступившие,
На шестнадцатом слое неба имеющие игру,
Девять качелей качающие,
На девяти жердях имеющие игру;
На семь качелей ногой наступающие,
На семи жердях имеющие игру,
Мой отец бурхан, бурхан чистый,
Мой отец бурхан, жажын ару,
Отец мой бурхан саран ару,
Отец мой бурхан золото чистое,
Отец мой бурхан пшеница чистая
Отец мой бурхан горох чистый!
Подобно пшеничным зернам вертящиеся,
Подобно гороху рассыпающиеся,
Всегда кричавшие и зовущие,
Имеющие пищей красные горящие угли,
Матери моей бурхан чистые девицы!
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

13

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос,
придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На шестнадцатый тапты наступающая,

Он алты катта ојынду,

Парчазының башчызы,
Барчы ёнаң Бај-Үлгән!
Кан үлүжү канча жат,
Піj үлүжү піjгі жат!

На шестнадцатом слое неба имею-
щая место игры,
Всех и всего глава
Мать моя богатый Ульген!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть достанется
начальнику!

Шаман встала со своего места и призывал духа (хәр балык талај каның уланы). Шаман окружал себя обручем курај — рыбой — кәр балык; он как бы опоясывался ею (укрчулапт), подкрепляя себя для предстоящего трудного и далекого путешествия. Шаман обращался к хәр балык со следующими словами:

Jaýak түбүн jaјкасан,
Täңс түбүн täңсачан,
Талај каның уланы,
Үзу тоңыл кәр балык!

Ар појумуң тоң курчу!
Үч пороло кабыл-кәл!

Глубину разлива колыхающий,
Дно океана колеблющий,
Хана моря сын,
Чудовище — глава рыб с обрублен-
ным ртом!
Для меня мужа ты крепкий обруч!
Приди, охватывая, охвати, окружая,
окружи меня трижды!

Шаман шел к порогу, садился на корточки лицом к порогу и обращался к хозяину порога: „кара көшш-кан позоюнуң азі“ и через него к его отцу Кар-Адаму или ажик тайпәрә, и просил разрешения ити к духу тар азі и помочи — поддержки в этом пути:

Ајна тудар ар(у) тоңузум,

Ајланып жатпас ар жадыым!

Ај каразы јорукту,

Ају пашмак одүктү,

Түн каразы јорукту,

Түктү пашмак одүктү.

Алтон ају тәрәзі,

Ајак укча жатпа жатпајтән,

Жаттоң ају тәразі.

Јән учун жатпајтән,

Кәрә сөбөм азулу,

Кәжік пычкак тырмакту,

Адазынаң күчтү туңан,

Адам күчтү, Кајракан,

Үч ажиктү кара Гёш-Кан!

Мой могучий борец, что в состоянии
задержать злого духа (айна),
Не переворачивающаяся с боку на
бок, лежащая моя чистая колода!
Выходящий на промысел на ущербе
месяца,
Имеющий башмаки из медвежьей
шкуры;
Выходящий на промысел в темноте
ночи,
Имеющий шерстистые башмаки;
Шестьдесят медвежьих шкур,
Невзатает (тебе) на конец ноги,
Семьдесят медвежьих шкур,
На край рукава невзатает (тебе).
Имеющий клык с четверть,
Имеющий когти с обрубок ноги,
Родившийся сильнее своего отца;
Сильный отец мой уважаемый,
Трехдверный черный Гёш-Кан!

Шаман от имени Кара-гёш откликнулся, произнося свое имя: — айты! айты! Каражүй-баш! и спрашивал у шамана куда, к какому духу он собирается ити.

Ак аданиң шаңаражып,
Таш орбуңа тајанып,

Табылбыңа шәданіп,
Ак адаңа сөбнүп,
Ала барска тајанып,

Кажы канңа кабылып чыктың?

Кажы піјгә күләп, чыктың?

Шаман отвечал:

Піләр тім сән әдәң,

Пілбәс кулдаң мән әдәм,
Јаан біјім сән әдәң,
Јармадың кулдуң ёмн әдәм!

Кажы канңа кабалып чысајын!

Кажы біјгә күләп чысајын!

Ак аданиң әзінә,
Ала барстың сүрмәдінә,
Ак Мардың Ак Тайлыңа,
Аңыр жалду кыс жәләскә.

Ак Мардың Адазына,
Ајңыр жалај Кан-Кычкылда!

Мынаң озо каңылбадым,

Мынаң озо күләбәдім,

Кабырқам мәнің қајкалар,
Кал жачым тыңызлак,

Алдым манің ачылғалак,
Арға жалым сөзүлгәләк.

Ар алдымға әлчі бәрзән,

Баштап чыңар башчы салған!

„Твоим белым бубном побрякивая,
На каменную колотушку опираясь,
как на посох,
О свою таволгу прислоняясь,
Своим белым бубном подпираясь,
На пестрый барс — рукоятку бубна
опираясь,
К какому хану, мчась, изнуряя
себя, ты идешь?
К какому начальнику, бушая, ты
с пением отправился?“

Все знающий мой начальник, ты
есть!

Я — раб твой, ничего не знающий!
Великий начальник мой, ты есть!
Я ничтожный раб твой (с крупинку,
подобной отруби)!

К какому хану, изнуряя себя,
с шумом я иду!

К какому начальнику, напевая,
я иду!

К хозяину белого бубна,
К изображению пестрого барса,
Белого мар'a Белому Тайдык'у,
Имеющей гриву жеребца девице
телес.

К хозяину белого мара,
С гривой жеребца, как Кычкыл'у
(я направляюсь)!

До настоящего времени я не мчал-
ся, изнуряя себя,
Раньше этого, я не напевал, с шу-
мом идя!

Ребра мои еще не отвердели,
Последнее ребро мое еще не ок-
репло.

Путь предо мною еще не открылся,
Спина и холка мои еще не при-
мялись.

Вперед меня посла — спутника не
пошлешь ли!

Чтобы руководить мною, руководи-
теля не назначишь ли!

Дух Позою отвечал шаману:

Ар алдыңа аңчі бәрәйін
Баштап чыңар башчы салајын!
Карағының көстө болзын!
Кармағаның колдо болзын!
Кан алдында казыр бол,
Піј алдында піјік пол!
Тілің болзо јару бол,
Тізан болзо, чөгү бол,
Канә кірзән, кајранал,
Біјгә кірзән, білді кәр!

Впереди тебя идущего спутника —
посла, да, дам я!
Руководителя, что руководить то-
бою будет, да поставлю я
Пусть будет так, чтобы из глаз
твоих не ушло то, что ты увидишь!
Что нужно тебе захватить, пусть
будет в твоей руке!
Перед ханом сильным будь,
Перед начальником высоким будь!
Язык твой острый, да будет,
Твои колена гибки пусть будут!
Если войдешь к хану, милость
возьми,
Если войдешь к начальнику, муд-
рость увидь!

Шаман произносил благодарность духу Позою:

Мөргү-бә, мөргү!
Алды кіjінім карап калзаң,
Оң көзүнәң көрүп калзаң!
Оң алкыжың бәріп калзаң!
Аәм көзүн көрүп калзаң!
Арү чырај паңып калзаң!

Поклоны, поклоны!
Охраняя меня, оставайся,
Смотря на меня правым глазом
твоим, оставайся!
Давая мне правое благословение,
оставайся!
Ласковым глазом смотря, оста-
вайся!
С лицом, расплывшимся от улыбки,
оставайся!

Шаман вставал и проходил на середину дома. Он снова призывал 27 духов жары, 12 — духов бајана и своих төсөн — свое многочисленное, словно ласточки, войско карлымаштың кланы чару. Все эти духи будут ему сопутствовать. Сильным ударом в бубен он присоединял к своим спутникам еще и аңчі — послу, полученного им от хозяина джери — позою. Затем он призывал опять свой курчу — обруч духа кәр балық. Садился на корточки около печи, лицом к отверстию ее, и обращался к от-әнә — матери огня, прося у нее себе спутника и помощника.

Одус башту от әнә,
Кырык бату кысайә!
Чіжді болзо, пыжырдан,
Тоңды болзо, аріткан.
Жажыл җалын кубатту,
Жажыл торко кіjімдү,

Кызыл җалын кубатту,

Тридцатиголовая мать огонь,
Сорокаголовая девица мать!
Сыре варящая,
Мерзлое оттывающая!
Зеленое пламя веселящая,
Из зеленого шелка имеющая
одежду,
Красное пламя веселящая,

Кызыл торко кіімбү.

Таш очокун салынсан,

Талкан күлүн јастансан,
От јаказын ојноткан,
Күл јаказын күбүряткан,
Одус пашту от ёнай,
Ојсон камыш кулакту,
Кырык пашту кыс ёнай,
Кыјсан камыш кулакту,

Үч очокту ёзі кан,

Үрүм талдың мүзі кан,
Үзүлүп ўскә түшкән кан,
Ja јылып көккә тамжан кан,

Ажыра білгән Ојмок ару!
Ар алдымға ёлчі бәрзән!

Баштап чыңар башчы салсан!

Ак Мардың ак Тайык'ка,
Айбыр јалду кан Кычкыла,

Мынаң озо каңылбадым,
Мынаң оао јжалбадым.

От-ёны ничего не отвечала шаману — она никогда не вступала в разговор с шаманом — она просто посыпала ему от себя спутника — помощника *äli* (посол).

Шаман встала, ударял в бубен и трижды произносил: „оп куру!”

Затем он обращался к духу пај пана.

Акі көзү кызарышкан,
Танулару саржалышкан,
От ордунча пај баңа,
Тура јіктү тос көнөккө,

Алаганың јаба тут!

Шаман снова призывал кэр балык. Размахивал трижды бубном. Повертывался делал движение бубном в направлении четырех углов дома и говорил:

Аланчыңым ак јалыным!
Сәгіс кыјын торт толуңум!

Из красного пламени имеющая
одежду!

Камениный очаг на себя возво-
жившая,

Толкан золу под себя постелившая,
Края огня заставившая играть,
Края золы разрыхляющая,
Тридцатиголовая мать огонь,
С ушами из гнутого камыша,
Сорокаголовая девица мать,
С ушами из кососрезанного
камыша,

Хозяин трех очагов — треножника
кан,

Хан с рогами из тальника,
Обрываясь, падающий из навар, хан,
Расстилаясь, капающий на землю,
хан!

Всезнающая Оймок, чистая!
Впереди меня идущего мужа
спутника,
О, если бы ты дала!
Мною руководящего руководителя
О, если бы ты поставила!
К белого мара белому Тайлыку,
К кан-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,
До настоящего времени я не ходил,
Раньше этого я не направлялся!

С двумя покрасневшими глазами
С пожелтевшими ноздрями,
Богатая лягушка, что в огнище!
К моему берестяному көнөк'у, имею-
щему поперечный шов,
Лапу твою приложи и прикрой его!

Моя юрта аланчик, белое пламя!
С восемью косыми обрубами четыре
угла мои!

Оң көзіннәң көрүп калсан,
Оң алдыжың пәріп калсан!

Снова повертывался кругом и клянялся всем присутствующим людям — старым и молодым, которые будут сидеть в продолжение всего камлания, и просит их петь и кричать с ним вместе, т. е. помогать ему совершать камлание.¹

Сај сөгүм сакчылары,
Саналғанда курчуларым!

Кудық бажы қажақшандар,

Кускундың тіжі сарғалғандар!

Оң көзүннәң көрүп калсан,
Оң алдыжың пәріп калсан!
Сај сөкүмнүң сакчылары,
Саналғанда курчуларым!

Киңің мынаң ычкы тынаң!

Правым взглядом взгляни,
Правое благословение дай!

Караульщика моих костей — гальки,
Когда мне понадобится, вы мои
кольчуги — обручи!

С побелевшими, как у лебедя
головами,

С пожелтевшими, как у ворона,
зубами!

Правым глазом взгляните,
Правое благословение дайте!

Охранители моих костей — гальки,
Когда мне вздумается, вы мои
кольчуги — обручи!

Криком и кряхтением (мне помо-
гайте)!

На призыв шамана с ним вместе кричать и петь присутствующие отвечали возгласами.²

Шаман снова призывал кэр балык и начинал медленно двигаться, ударяя в бубен, к койб'ам.

Шаман пел. Ему подпевали все присутствующие, исключая женщины.³

Шаман, обращаясь к койб'ам и толу, отсылал их к духу ақ мар'у.⁴

Айдың болзо, аруунда,
Күннүң болзо, көркүнда,

Когда месяц светит в новолуние,
Когда солнце сверкает в ясный
день,

¹ Пережитки стадии „коллективного камлания“ (массового) — сохранились в обычаях, согласно которому все присутствующие на камлании, должны были выкриками, взглядами „помогать“ шаману участвовать в совершении обряда. Кроме того, у телутов существовали особые помощники шамана тәмчіләр тәм кошков кішіләр или тәм кошратан кішіләр. Обычно это были молодые люди, обладающие соответственными голосовыми и музыкальными данными, а также хорошей памятью. Шаман усаживал их рядом с собой на скамью. Там они сидели в продолжение всего камлания. Они должны были на память, вслед за камом, повторять все шаманские призывания и продолжать петь одни, когда кам уставал и делал небольшие передышки. В награду за помощь шаман угождал им вином и жертвенным мясом. Особой платы не полагалось. Это были любители, которые по своему усмотрению могли пойти или не пойти на камлание и помогать шаману. Но среди них были и такие, можно сказать, призванные помощники (особо умелые, хорошо поющие и т. д.), за которыми шаман перед камланием специально послал и приглашал ему помогать и присутствие которых считалось почти необходимым.

² Взгляды присутствующих продолжались в течение всего камлания.

³ Женщины, видимо, исключены из участия в камлании, сохранившем, в большинстве случаев, родовой характер, как чужеродки.

⁴ В настоящей работе приведен вариант камлания, совершаемого весной. Осенью шаман начинал камлание с описания осенней природы.

Жылдың бажы ајланғанда,
Жылан бажы сајылғанда,
Әмәл ақаш пүр алғанда,

Әәк куук кыңырғанда,
Јәр жарылып пүр чыкканда,

Аңын суум пузулғанда,

Ак тајка пүру сөзүлгәндә,
Ат көдүрбәс ар толум,

Аңым көгүн чаңылды отур,
Ај онунса пурулуп отур!
Көдурмәлү көл тәпшім,

Көк үрүс-чә јајылып отур,
Күн онунча пурулы отур!
Тура јіктү тос көнөгүм,

Mälkіldägän пај сабам!
Әр алдымнаң јајалы отур,
Аткан оқтоң әйіл ал,
Ак-кан сұдаң шурғун тарт!
Ал тајқабаң ажу ал,

Аңың сұдан кәчү ал!

Голова года когда повернулась,
Змея когда сменила кожу,
Когда на плодовых деревьях по-
явилась листва,
Когда закричала кукушка,
Когда расщепились деревья и по-
явилась листва,
Когда текущие воды разбили ледя-
ной покров,
Когда склон горы распоролся,
Чистое толу мое, что конь не может
поднять,
Сверкай белым и синим блеском,
По ходу месяца, повертывайся!
Годная к возношению — как озеро
сельница моя,
Разливайся, как синий навар.
По ходу солнца повертывайся!
Мой берестяной туяс, имеющий
поперечный шов,
Покачивающаяся моя саба!
Впереди меня — мужа продвигайся.
Легче выпущенной летящей стрелы,
Быстрее текущей воды (иди).
Через белую тайгу — гору перевал
бери,
Через быструю воду переправу
бери!

Шаман, произнося полное название духа ак мар'а, ударил в бубен. Затем наклонился, повернулся к двери дома и долго бил в бубен. Этим он как бы отправлял толу и конок к духам, которым они предназначены. Это действие носит название табу канжат, оно повторялось три раза. Три раза шаман повторял все слова, начиная с „ајдың болзо арунда...“

Шаман уходил из дома. Выходил на улицу и там еще один раз повторял все слова, начиная с „ајдың болзо арунда...“

Шаман возвращался назад, произносил при входе конец обращения к конок'ам и толу: „ал тајқадаң ажу ал, аңың сұдаң кәчү ал!“

Он двигался в доме, обернувшись спиной, и несколько раз произносил слова: „табу дәп“. Доходил до середины пола и продолжительное время вертелся по солнцу, долго ударял в бубен и выкрикивал „ај, хооо!...“ Остановившись. Затем, снова долго вертелся, повторяя все тот же выкрик „ај хооо!..“ Это означало, что шаман отправился в свой путь. Он едет на своем бур'е. При этом он призывал своего бура так, чтобы никто этого не заметил.¹

¹ Шаман скрывал своего бура, так как злые духи, шаману, духи, желая погубить его, подкарауливали его и стреляли в него из луков.

Шаман размахивал орбой и с возгласами „шашу, ауу“, останавливался по средине дома. Стоя там, он произносил имя јүйымка јүрәкәй хана, духа невысокой горы,¹ расположенной недалеко от улуса Чолукоя, почитаемой телеутами.

Улу Бајат кәзә отурған,

Старшим — великим Бочатом ведущая,

Үссүн јаның үч казық,

Вверху у тебя три кола,

Алдын јаның мұң казық,

Внизу у тебя тысяча колов,

Үч толукту әнәм јүрәкәй, Кајракан!

О трех углах, мать моя јүрәкәй Кајракан!

Кол көдурзым чачу ал,

Если подниму руку, кропление возьми,

Колтық ачсам, үлүү ал,

Если подмышку раскрою, долю возьми.

Торок полғон пажына.

На гребневидную голову твою,

Тарсма полғон сыныңа.

На струообразную спину твою (пусть падет)!

Оң көзүнәң көрүп кал,

Праздм глазом взгляни,

Оң алкыжың пәріп ал!

Правое благословение дай!

Затем шаман как бы представлялся — рекомендовал духу — он называл имена двух своих тёсов — имена двух предшествующих ему умерших шаманов, последних из всей иерархии своих шаманов — предков.²

Кам Кобордың калдыбы,

Я потомок — последыш кама Карбоа,

Кам Пёнок үрәні,

Я семя — кама Пёнока,

Ајұр յалду кан Кычкылба,

К кану Кычкылу, имеющему гриву жеребца,

Мән сабылып пар јарым!

Бушуя и мчась, я направляюсь!

Называя духа — јајык'а — шаман проходил мимо его владений. Он садился на скамейку и пел, призывая свое „войско“ — всех сопутствующих ему духов:

Карлықаштың калың чәрү.

Словно ласточки могучее многочисленное войско,

Әр алды-манаң јајалы отурғар,

Впереди меня, мужа, продвигайся,

Мәніә полуп кабычы отурғар!

Подобно мне мчись и вперед направляйся!

Шаман называл имя орбу әзі — хозяиня колотушки:

Карлықаш пашту кан кызыл јар
кәзә білгән,

Ханом красного Яра, имеющим голову ласточки, правящая,

Сары Чымыш кәзә отурған,

Сары Чымышем владеющая.

Әнәм тојлу, Кајракан!

Мать моя, тојлу Кајракан!

Таш орбүң әзі,

Хозяин каменной колотушки,

Табылдыымның сүрмәді!

Таволжника моего изображение!

¹ У каждого улуса свой јајык. Это может быть гора, плоскогорье или даже стена. Так, у Большого улуса јајык-Кубазан, у улуса Черту — ѡјалаш-хан.

² Приведены духи-предки кама Кинакая. У других шаманов это место камлания варириует, так как они призывают своих тёсов.

Затем шаман обращался к хозяину бубна:

Аңы Мардың ak Tajlik,
Ak пос адын јараткан,
Көгү Мардың көк Tajlik,
Көк пос адың јараткан!
Көк марын тајанған,
Көгү марын тудунған,
Алты бркштү ak аданиң әзі!

Белого мара белый Тайлых (конь),
Бело-сивого коня снаряди в путь,
Синего мара синий Тайлых (конь)
Сине-серого коня снаряди!
На синий барс опирающий,
Синий барс держащий,
Шестигорбого белого бубна хозяин!

Шаман призывал того духа, „от которого он сотворился“, т. е. того духа, который пересотворил шамана (см. выше).

У кама Канакая это дух Соом адазы јоё-кан.

Алтын Соомның адазы,
Үр Сомның әзі!
Үч тәңәрә тәбілған,
Тәмір таңдак пазылған!
Алтын параты ачыл-јабылған,

Алды сөйгү сајланған,
Күштуң сөйгү кужалған.
Ак чалдарца мінәтү,
Айқыр јалду Јоё-Кан!

Отец золотых сом'ов,
Тяжелых сом'ов хозяин!
Тroe небес протоптивший,
Утреннюю зорю попирающий!
Золотые ворота открываются и
закрываются,
Кости диких зверей рассыпаны,
как галька,
Кости птиц сокрушены.
На бело-игреневом коне ездящий,
С гривой жеребца јоё-кан!

Шаман выбирал себе в спутники на дальнейший путь кого-нибудь из старших духов јэр-жол. Никто из этих духов не имеет права отказаться от сопровождения кама.¹

Шаман вертелся. Все присутствующие громко кричали. Это означает, что шаман дошел до второго яйык'а.

Шаман размахивал колотушкой и кричал шауу, а затем произносил имя яйык'а.

Күчү Бајат кәзә отурған!
Күс чырајлу куба кадын!
Кол көдү'рәм, чачу за,

Колтык ачсам, үлүү ал.

Тарак полғон пажыңа,
Тарсма полғон сындыңа!

Оң көзүннаң көрүп Каł,
Оң алкыжың пәріп каł!

Малый Бачатом ведущая,
С лицом девицы бледный хан.
Если руку подниму, кропление
возьми,
Если подмышку раскрою, долю
возьми.
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою
(пусть упадет)!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

¹ Исключение составляли духи сом' әзі и Адам. Они находились в постоянной, давней вражде друг с другом, отчего, когда шаман шел к Адаму, он не брал с собой соом' әзі и цалборот.

С этими словами шаман проходил владение второго јајык'а. Шаман садился. Призывал себе в помощь еще кого-либо из духов, по своему усмотрению. Призыв к духу он заканчивал словами:

Әр алдымнаң кабылы отур,
Мәнчә полуп јајалы отур!

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Став, как и я, мчась и бушуя,
направляйся!

Шаман вставал и опять вертелся: все присутствующие кричали и подпевали шаману; шаман подходил к третьему јајык'у; он обращался к этому јајык'у:

Анäm Сыңырлық кää отурсан,

Матерью моей Сыңырлық'ом вла-
деющая,

Ат пулују пај Карапај,
Анäm чымај, Кајракан!
Кол көдүрзәм чачу ал!
Колтук ачсам, ўлүү ал!
Тарак полюон пажына,
Тарсма полюон сыныңа!
Оң козүннäң кörүп кал,
Оң алкыжың пäріп кал!

Богатая ветвистая сосна—коновязь.
Мать моя, Чыман Кајракан!
Руку подниму—кропление прими!
Подмышку раскрою—долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Шаман проходил владения третьего јајык'а. Садился и призывал еще какого-либо духа себе в спутники, заканчивая свое обращение следующими словами:

Әр алдымнаң кабылы отур,
Мәнчә полуп јајалы отур.

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Став, как я, мчась и бушуя, направ-
ляйся!

Шаман вспоминал об отосланных „табу“, т. е. о кёнок, тәпші и тоду,— которых он отправил к духу („табу“) идут впереди шамана, направляясь к духам мар әзі и ак мар'у).

Шаман обращался к своим тöс'ам — кровным духам и сопутствующим его духам јäрjol и пајана,¹ спрашивал их о судьбе „табу“ и просил догнать их:

Пајаңы парсан пај табулар,
Канча тајка кажа бәді-нä,
Канча талај кää бәді-нä?
Көргөн јäргä кörö јаткäр,
Сүргän јäргä сүрә јаткäр!

Давеча отправившиеся богатые
табулар'ы,²
Сколько-то гор они теперь пере-
валили,
Сколько-то рек они теперь перешли,
В той земле, где увидите их, там
и догоните,
Там, где их настигнете, там и
нагоните.

¹ Духи јäрjol и пајана в данный момент, поскольку они сопутствуют шаману, являлись также его тöс'ами — духами-помощниками.

² Под „табулар“ подразумевались духи-помощники шамана, сопровождающие жертву к тому или другому духу, а также уносимая ими жертва (предметы, отправленные к духу).

Шаман подходил к четвертому юымку. Шаман кружился и обращался к этому юымку:

Äjälý сийнди ёкі чарту кәзә білгән!

Ат пулузы куказык,
Айсыр жалду кыс jäläc!
Кол көдүрзәм, чачу ал,
Колтук ачсам, ўлыу ал!
Тарап полғон пажыңа,
Тарсма полғон сыныңа!
Оң көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Призывал еще какого-либо духа. Садился и говорил про табу, обращаясь к своим духам:

Табудың бажы көрүнә-бәді,
Толудың бажы пілдірә-бәді?!
Көргөн жарға көрө жәткәр,
Сүргән жарға сүргә жәткән!

Старшая и младшая две сестры
Чарту — всезнающие!
Конская привязь серый кол,
С гривой жеребца девица Телес!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою, — долю возьми
На гребнеобразную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Шаман вставал, кружился: он подходил к пятому юымку и призывал его:

Äjälý сийнди ёкі Оскотты кәзә
білгән,
Äнам конус. Кајракан!
Кол көдүрзәм, чачу ал,
Колтык ачсам, ўлыу ал!
Тарап полғон пажыңа,
Тарсма полғон сыныңа!
Оң көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кол!

Младшей и старшей сестрам и
Оскот владеющая,
Мать моя, Коңчус Кајракан!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Шаман проходил пятый юымк. Шаман садился. Теперь шаман уже нагонял свою табу. Духи, как бы сопровождающие табу, — тоб — выражали шаману свое неудовольствие; от лица их всех один дух говорил шаману:

Алај, алај, алај, алај кам!
Сактај, Сактај сак полдым,
Саңыскан кујруқун шарт Кәстім.

Кара жәрің казындын-ба?
Катү аңажың чамындың-ба?

Кам отвечал им:

Кара жәрім казынбадым,
Катү аңажым чамынбадым!

Алай, алай, алай, кам!
Ждал, ждал, заждался,
(От нечего делать) хвост сороки
я отрезал.
Черную землю копал что ли ты?
Твердое дерево тесал что ли ты?

Черную землю я не рыл,
Твердое дерево я не тесал!

Ајлудуң күні күч полуп,

Аjлік полуп кабылып јаттім!

Күндүнің күні күч полуп,

Күндүк полуп кабылып јаттім!

Корлонбоңор коксунбаңар,

Табұчылар толұчылар!

Теперь шаман донгил своих табұ. Он размахивал колотушкой, обводил ею вокруг конёк и толу и произносил алас:

Ак Ўлғанің чын алас!

Ат көдүрбәс ар толум,

Асын көгүн чаңылы-отур!

Тура јіктү тос көнөгүм!

Mälkildigän пај сабам!

Көдүрмәлү көл тәпшім!

Көк пулут-ча көчүп отур,

Көк ўрүс-чә јајылы-отур!

Ајыр јалдү кан Кычкылаң,

Аткан октоң сүргүм тарт!

Аккан суудаң түргән ал!

Ар алдыннаң јајалы-отур!

Шаман вертелся на одном месте. Все присутствующие кричали.

Шаман седился и призывал какого-либо из своих духов.

Он вставал и кружился.

Подходил к шестому јајык'у и с криком „шау“ проходил мимо его владений. Он называл имя јајык'а:

Көзнө төжү јабылу,

Түнүк ажі пүркәлү,

Күндүгә ўн пәрбәйтән,

Ајлуға қыңы самыш пајтан,

Күл торонуң чыкканјар!

Живущих под месяцем жалко было оставить,

На месячный срок задержавшись, теперь я примчался,

Живущих под солнцем трудно было оставить,

На сутки задержавшись, теперь я примчался!

Не возмущайтесь, не порицайте, Вы, сопровождающие табу и толу!

Белого Ульгена истинный алас!

Чистое толу мое, которое конь не в силах поднять,

Синими и белыми огнями сверкай! С попечным швом берестяный конёк мой!

Покачивающаяся богатая саба!

Озеро — сельница моя, годная для возношения!

Подобно синему облаку, продвигайся,

Синим наваром разливайся!

К хану-Кычкылу, имеющему граву жеребца.

Выше летящей стрелы высоту небес набирай!

Быстрее текущей воды быстроту бери!

Впереди меня, мужа, мчись!

Окошечко закрытое,

Дымовое отверстие закупоренное, Под солнцем живущему человеку,

голоса не подающая,

Под месяцем живущему человеку, криком не отвечающая,

Земля, откуда вышел — произошел рол (сёök) торо, многочисленный, как зола!

Кол көдүрәм чачу ал,
Колтук ачсам ўлүү ал!
Тарак полюон пажыңа,
Тарсма полюон сыйыңа!
Оң көзүннәң көрүп кам,
Оң алдыжың пәріп ал!

Позвав еще одного духа себе в спутники, шаман совершил алас над табу:
Встаяв, вертесь — это означало, что шаман подходил к седьмому јајык'у.
Шаман обращался к јајык'у:

Оқум, оқум айры баштары,
Анам шарат ічтәрі!
Кол көдүрәм чачу ал,
Колтык ачсам, ўлүү ал!
Тарак полюон пажына,
Тарсма полюон сыйыңа!
Оң көзүннәң көрүп кам,
Оң алдыжың пәріп кам!

Шаман садился и призывал себе в спутники еще одного духа. Затем вставал и совершил снова алас над табу.

Шаман начинал быстро кружиться, все присутствующие кричали. Шаман проходил мимо восьмого јајык'. Шаман говорил:

Алдын јаның кәт, Кајракан!

Уссүн јаның анам Саңыс, Кајракан!

Аңын суу ўс тадыңан,
Ак чабаңын мај тадыңан.

Алтын сајлу юң Том!
Күмүс сајлу күні Том!

Ак палыңыңиң мај тадыңан,
Аккан суу іңиң ўс тадыңан;
Көк палыңыңиң мај тадыңан.
Көдүн сууң мај тадыңан,

Анам Саңыс, Кајракан!
Кол көдүрәм чачу ал,
Колтук ачсам ўлүү ал!
Тарак полюон пажыңа,
Тарсма полюон сыйыңа!
Оң, көзүннәң көрүп кам,
Оң алдыжың пәріп кам!

Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

С отвесными склонами истоки реки,¹
Течение матери Шарап!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Нижняя твоя сторона реки Кет
Кайракан,

Верхняя твоя сторона, мать моя
Саңыс Кайракан!

Текущая вода твоя — сладкий навар,
Твоя рыба, белый чабак, жирная на
вкус,

С золотой галькой мать Томы!
С серебристой галькой любимая
Томы!

Белые твои рыбы жирны на вкус
Твоя текущая вода — сладкий навар,
Синяя твоя рыба жирна на вкус,
Твои волнующиеся воды — сладкий
навар,

Мать моя Саңыс Кайракан,
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою,
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение дай!

¹ Болото, где берет свое начало река Шарап.

Шаман садился и звал к себе еще одного духа. Затем вставал и начинал вертеться. Шаман просил пить, он обращался к присутствующим:

Айлұ јардің кара суғат,

Ајлаңгај-мінә арт соң-мынаң!
Ајак алчазың көрөр јәр кәлді,

Чоңиј алчазың тудар јәр кәлді!

Черный водопой земли, освещенный месяцем,

Вслед за мной не повернется ли!
(Вот) дошли до места, где надо смотреть на чашу, упавшую вниз дном,
Наступило время держать чашу,
упавшую вниз дном!

Шаману подавали пить из маленькой деревянной чашки чобчиј.

Выпив воду, шаман не выпускал изо рта чашку, он держал ее зубами. Затем придавал бубину почти горизонтально: положение (лицевой стороной вверх), ставил на него чобчиј. Держа чашку на бубне, он покачивал бубен и произносил следующие слова, обращаясь к своим төс'ям:

Ақаш ајаңы ајлудың,

Аңын алчазы ајеңр јалду Кычкыл
кандыңы!

Чоңиј ајаңы күндү діјі,

Чобек алчазы ајеңр јалду Кычкыл
кандыңы!

Көзі јаман көргүс пәгәр,
Күні јаман таңдатпаңар.

Деревянная чаша — людям, живущим под месяцем,

Белое чистое падение чаши вниз дном — хану Кычкылу, имеющему грину жеребца, достанется!

Чаша для вина Чоңий — для людей, живущих под солнцем,

Жертвеннное падение чаши — для Кычкыл хана, имеющего грину жеребца!

Не показывайте злому глазу,
Скверным желаниям не давайте осуществляться!

Присутствующие отворачивались и закрывали глаза, чтобы не смотреть на чашу. Шаман звал к себе своего төс'я — птицу мөркүт — беркута.

Базар пузар канатту,
Јабар јубар кујрукту,
Ај тумчуңун мүс полюон,
Ај тырмактың јас полюон,
Үлән күжү пај мүркүт,
Јас тырмакту кара күш!

С взмахивающими крыльями,
С опущенным хвостом,
Твой лунообразный клюв, как лед,
Твои лунообразные когти, как медь,
Ульгеня птица богатый беркут,
Имеющая медные когти черная птица!

Обращаясь к духам-спутникам, говорили:

Сабылтарса салбаңар,
Чајбалтарса пәрбәгәр,

Качаться, колебаться не давайте,
Пошатнуться не допускайте!

Шаман сбрасывал чашку бубном, переворачивал бубен и старался поймать ее внутренней стороной бубна (ајак алчалап јат). Считается не важным, куда упадет чашка, в бубен или мимо бубна, на пол. Важно, как упадет чашка: вверх дном или вниз дном.¹

¹ Алча түшсә јакши көтөрө түшсә јаман — если вниз дном упадет — хорошо, если вверх дном — плохо.

Если чашка упадет вверх дном (хөмдөрө), шаман снова сбрасывал чашку, и так повторял до тех пор, пока чашка не упадет алза — вниз дном. Тогда тот человек, который подавал шаману пить, берет чашку и делает круг чашкой над огнем.

Шаман садился и говорил, обращаясь к присутствующим:

Алкыжым јәтсін ўссүи Улғанға

Алкыжым јәтсін алдыңы јуска!

Оң көзүнән көргө діј ошкош,

Оң алкыжың пәргәй діј ошкош!

Әәм көзүн көрәдіј ошкош.

Әрү чыреј пакадыј ошкош!

Әзәндіккә пәргәдіј!

Ә!бәк күнгә јајаң-мінә,

Тұрсүи дәйін паргәй-мінә,

Тұктәп ала јајаң-мінә?!

Пусть благословение мое дойдет

до верху находящегося Ульгения,

Пусть благословение мое дойдет до
нажных духов яр-юл!

Похоже, что (хан) правым глазом
взглянул,

Похоже, что правое благословение
дал!

Похоже, что ласковым глазом гля-
нул,

Похоже, что приветливое лицо к нам
обратил!

Для здоровья благополучия (нашего)
оказывается дает (знак)!

Не сотворит для долгих благопо-
лучных дней,

Потомства похожего (по образцу
лица человека) не даст ли?

Скота, похожего по шерсти, не
сотворит ли?!

Если чашка упала вниз дном — алча, это означает, что Кыч-Кылкан хорошо при-
мет шамана.

Шаман вставал, вертелся, подходил к табу и сотворял над ними алас.

Снова вертелся и при общем крике проходил девятый яймк.

Призывал последнего на своем пути, девятого яймк'а:

Сурук чатпәс таш көнөк!

Каменный конёк, до дна которого
не достает жерды!

Анәм прас ічтәрі!
Кол көдүрәм, чачу ал,
Колтук ачсам ўлүү ал!
Тарак полюон пажыңа,
Тарсма полюон смыңа!
Оң көзүнән көрүп қал,
Оң алкыжың пәріп қал!

Течение матери моей реки Мрассы!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную твою голову,
На струнообразную твою спину!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Шаман садился и призывал себе еще нового спутника-духа. Вставал и совершил
алас. Теперь он приближался к месту, где расходятся дороги семнадцати ханов — духов.
Он громко воскликнул:

Он јәтті қаниң јарылқыш,
Ончо қаниң тарам јол!
Кол көдүрәм сачу ал,
Колтук ачсам, ўлүү ал!

Семнадцать ханов разделение путей,
Где расходятся дороги всех ханов!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!

Тарак полғон пажыңа,
Тарсма полғон сыныңа!
Оң көзүңиң көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Шаман вставал и, держа бубен на руке над левым плечом, ходил взад и вперед по ому. Садился и снова вставал, и опять продолжал ходить. Он искал те места, где ходил конь, шкура которого пошла на обтягивание его бубна. Духи показывали ему все пути, когда-либо пройденные этим конем. Шаман находил также то место, где срубили дерево для его бубна.

Шаман говорит, обращаясь к своим родным духам — тос'ам:

Алты өркөштү ақ аданның алтын
каждын.
Кажы јәрдән кәсті-нә?
Кажы суудың кажынаң?
Кажы туудуң бурунаң?
Алты өркөштү ақ аданса

Јапкан бајтал кажы сууда полды-нә?
Кажы јәрдә өстү-нә?
Үссөн Ўлғаның, алдыңы јуугум,
Чолмон болғон көстүләрим,
Калкан ала кулактулар,

Тәжә ала көрө бәргәр,
Табә ала сыңај бәргәр!

На гребневидную твою голову,
На струнообразную твою спину!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Золотую обечайку шестигорбого белого бубна
В какой земле срубил?
На берегу какой реки?
На склоне какой горы?
Байтал, шкура которого пошла на покрытие шестигорбого белого бубна,
На берегу какой реки жил?
В какой земле вырос?
Верхний Ульгенъ мой и нижние духи,
Имеющие ясные, как звезды, глаза,
Имеющие чуткие, прислушивающие уши,
Пронизывая взглядом, посмотрите,
Проникая насквозь, всматривайтесь — внимайте!

Тос разынают, где нался конь и где росло дерево. Их слова шаман повторял присутствующим.

Духи откликались шаману:

Аәйтә, аајтә, аајтә!

Шаман пел:

Алты өркөштү ақ аданның алтын
каждын,
Алтын сајлу ёнә Томның,

Әнәм саңыс, Кајраканың појунаң
кәстір.

Алты өркөштү ақ аданса ѡапкан
бајтал,

Әјәлү сіндү экі оскоттың,
Әнам коңыс Кајраканың ічінә
өстүр

Золотую обечайку шестигорбого белого бубна
На реке матери Томи с песчаной отмелю,
На берегу реки Саңыс матери моей уважаемой,
оказывается, срубили.
Байтал, шкура которого пошла на обтяжку шестигорбого белого бубна,
На берегу рек двух сестер Оскот,
В предалах матери моей Конус уважаемой, оказывается, вырос

Алты көстү ала барсын Улу Бајат
ічінаң,
Жүрәкай каның појунаң кастір.

Шестиглазый пестрый барс,

Духи — төс'м — показывали шаману все места, где ходил конь, тот склон горы, где росло дерево. Шаман долго (иногда 2—3 часа) ходил назад и вперед и рассказывал своим слушателям и духам:¹

Алты өркөштү ак аданиң алтың
каждын!

Анә Томның каждынаң рак амас.
Пуйк туандың пурұнаң,
Күн түстүгү јанынаң,
Кузук агашту кәскән полтур.
Кузук агашту кәскән јәрдәң туруб-
алыш,
Күн түстүгүн көргөндө,

Јажыл торко јајсан ошкош,
Јаказы сылу Том анә полтур.
Кызыл торко јајгандыј,
Кујузы сылу Том анә полтыр.

Мының пүткән јәрім көрзөң.

Јонып којбон пілүді ошкош,
Мындаңы пүткән ақашты көрзөң,

Кошкоп јонгон окты ошкош.

Сыбыскыдыј тууларын көрзөң.
Сылаңардыј сындарын көрзөң,

Мындаңы јаткан јурттарын көрзөң.,

Мындаңы јаткан әләдәрің көрзөң,

Кара чымындыј көбүзүн көрзөң,
Мындаңы нүткән мәлдарын көрзөң,

Кара таандыј көбүзін көрзөң,
Пулардың ічкән сууларын көрзөң,

На золотую обечайку шестигорбого белого бубна!

Недалеко от берега матери Томи,
На склоне высокой горы,
На полуденной стороне,
Кедр дерево срублен был,
Стоя на том месте, где дерево —
кедр срубил,
(Человек его срубивший) на южную

сторону поглядел,
Словно зеленый шелк разостлан —
То берег матери Томи был,
Словно красный шелк разостлан —
То откосы матери красавицы Томи были.

На созданную здесь землю, если взглянешь,

Она подобна отточенному брусу.
Если на здесь выросшие деревья
взглянешь,
Они подобны обструганной и оскобленной стреле.

Если взглянешь на свистящие горы,
Если взглянешь на сглаженный
хребет,

На раскинувшие здесь стойбища
если посмотришь,

На живущий здесь народ если
взглянешь,

Их много, как черных мух.
Если на тот пасущийся скот взглянешь,

Его много, как черных галок.
На те воды, которые они пьют,
если взглянешь,

¹ Кам чәнап јат — шаман видел и узнавал посредством своих духов.

Абын суу ўс тадыпј ат,

Ак чабаңы мај тадып јат.

Ајлана пүткән тууларын көрзөң,

Ак туманы јајыл-турғаны
Албаты юның ажырат турған.

Алдызының қобўзайң көрзөң,
Ак кобёләктіј јабырап турғанын;

Топтој-пүткән тууларын көрзөң,

Толбонып аккан сууларын көрзөң,

Тус туманы јајылып турғаны.

Тундура пүткән јыштарың көрзөң,

Тәкші калыңын ажырап турған.

Канатту кужунуң қобўзин көрзөң,
Кок кобёләктүй кубурәп турған.

Кузук агашты кәзәр тушта,

Кок сү тујук күндү ѫл
Туудың пурнаң турупалып,
Абараада көрүп макатып тур,

Калтаңым саәни! Тагён болтур:
„Мында јадып јортазам-чى!
Мында јадып ѫлдазам-чى!
Мынаң ојто јанбас ползом-чى!

Мынаң ојто пурбас ползом-чى!

Аныңып сүләп көнүлгән болтыр.
Кузук агашту кәзәрдә,
Канча пілгәнің алкасан болтыр,

Үссүн Ўлгәнің адасан болтыр,

Адынгы јузын кычырған болтыр,

Текущая вода кажется сладкой, как навар,

Белый чабак-рыба на вкус, как масло.

Если взглянешь на горы, кругом выросшие,

Белые туманы (с гор) расстилаются.

Если посмотришь на множество зверей,

Что кормят подданный народ,

Они, словно порхающие белые бабочки.

Если посмотришь на кучеобразно нагроможденные горы,

Если посмотришь на извилисто текущие реки, —

Расстилаются солеобразные туманы,

На выросшие непроходимые леса посмотри!

Если на множество крылатых птиц,

Весь народ кормящих, взглянешь,

Птицы умножаются, точно синие бабочки.

В то время, когда срезали дерево кедр,

Живущие под солнцем люди,¹

Стоя на склоне горы,

Смотрели кругом и восхищались.

Они восклицали:

„О, если бы я здесь жил!

О, если бы я тут обитал!

Если бы мне отсюда не возвращаться!

Если бы отсюда назад мне не повернуться!“

Когда так говорили, задумались.

Перед тем, как рубить дерево, как умели, знали — произносили благословение.

Вверху находящегося Ульгена называли.

Внизу находящихся духов призывали.

¹ кок сү тујук күндү ѫл — с замкнутой грудью человек; в шаманском языке означает — простой, обыкновенный человек, не шаман.

Ак саңыжын санаған болтыр.
 Алчак кылышын кылышан болтыр,

 Аныјып кәзіп шурулған болтыр.
 Алты өркөштү ақ адамының,
 Аңам Оскоттың ічіндә,
 Ак пајгалы тулған јәрі,
 Аңам Коңыс, Кајраканның којнунда
 полтыр.
 Ак пајталды ёміскан әкәзің мыны
 көрзөгөр!
 Ак чалдарда-да түктү балтыр.

 Оң јарында јалы балтыр,

 Кујруғы јалы көк чалдар балтыр,

 Күіндәгә оң аяқы ажықында
 Чаббазанан акту балтыр,
 Түнчүңында кол пажымы акту бал-
 тыр.
 Анаң тулған ақ пајтал,
 Ак Үлгәннан јајылу балтыр.
 Алты өркөштү ақ адама,
 Ыссүн Үлгән пүјурған балтыр.

 Үлгәннан ўзұлған балтыр,
 Ізузнаң јарбылу балтыр,
 Ак пајталдың ічкән суу,
 Аңам Оскоттың өзөгү балтыр.
 Ак пајталдың каап јүгән өләнің
 көрзөң!

 Ак јазының појунаң ѡмтір!
 Өләнің болзо, курчун каап,

 Суудың болзо, сүгүнүп тартып!

 Аңын суун тартканда,

 Арка јалына мај өргөн балтур;

 Өләнің курчун капканда,
 Кујуугу јалына мај өргөн балтур!
 Көзі јаман көр бөгөн балтур,
 Күні јаман таң дабајг,

Чистыми мыслями мыслили,
 Добрими намерениями себя наст-
 раивали.
 Так срубив, назад воротились.
 Мой шестигорбый белый бубен,
 В пределах матери моей Оскот,
 Земля, где родился белый байтал,
 У подножия матери моей, Коңыс
 уважаемой, оказывается, была.
 На мать, вскорившую белого бай-
 тала, вот поглядите!
 Она была, оказывается, бело-игре-
 невой шерсти,
 Грифа у нее была на правой сто-
 роне,
 Грифа и хвост у нее сине-игреневые
 были.
 У лодыжки задней правой ноги
 Шетка белая была,
 На носу белизна была, словно отпе-
 чаток пальца.
 От нее рожденный белый байтал,
 От белого Ульгена сотворен был.
 Для шестигорбого белого бубна
 Верхним Ульгенем предназначен
 был.
 От Ульгена предопределен был,
 От духов јәр-јол присужден был.
 Водой, которую пил белый байтал,
 Были истоки матери моей Оскота.
 На траву, которую белый бай-
 тал захватывал и поедал, по-
 гляди!
 С белой степи она, оказывается.
 Из всех трав он самую сочную
 хватал,
 Воду он самую сладкую, втягивая,
 пил.
 Когда он втягивал в себя текущую
 воду,
 На спине и на шее подгривный жир
 нарастал,
 Когда он схватывал сочную траву,
 У хвоста и грифы жир нарастал.
 Худой глаз его не видел,
 Зломыслящий ему не удивлялся.

Аның јүргән јазызын көрзөн,
Јазап јонгон шілдіј балтыр.

Әбәрә јанын көргөндө,
Әәбәи әдәр наңма јок амтір.

Јаја туруп көргөндө,
Јалбаң әдәр наңма јок полтыр.

Ак јазының бојында.
Күн кәләттән јанында,
Тус јалқуу полюон балтыр,
Күн түстүгі јанында,
Күчү дә ползо, туу балтыр.
Ак јазының бојында,
Өлөң ўя алымганды,
Ак пајтал тулған балтыр.
Тулғаннаң сөнда.
Абын суу кабыжарда,

Ак тајка пурун караларда,

Ак бајталды арка кујрукун салынып,
Ал пörö аларда сүртүр;

Кöгүс курукун салынып,
Кöк пörö ак пајталы тударда,
Ак пајталдын ўрүзинä,

Аразына кіргән болтур.

Ак Ўлғаниң јајалған болуп,

Ал пörö алдырбај Салтыр;

Кöк Ўлғаниң тәмдәлгән болуп,

Кöк пörö туттурбај салтыр

Алдындаы оң аяғы туїгаңындаакту,

Кол пазымы пәлгәлү балтыр.

Ак пајталдың суңат тарткан јäрләрі
Күн түстүгү јанында балтыр.

Если поглядеть на степь, где он ходил,
Она словно брус, склоненный и ровный.

Когда кругом посмотрел —
Нет ничего, что возвышалось бы в степи.

Широко окинув взором, посмотрел,
Ничего нет, что нарушило бы равнину степи.

В белой степи самой,
В стороне восхода солнца,
Солонец там был.
На южной стороне
Хотя и маленькая гора была,
Когда в чистой степи
Трава завязывалась узлами,
Белый байтал родился.
После того, как он родился,
Перед тем, как текущая вода сковалась льдом,

Перед тем, как белая тайга покрылась снегом,
Чтобы белого байтала схватить,
Сильный пестрый волк, закинув на спину хвост

За ним погнался;
Поджав хвост,
Синий волк, чтобы поймать белого байтала,
В середину конского косяка заbralся.

Будучи сотворенным от белого Ульгена,
Белый байтал не поддался сильному волку;

Будучи отмеченным синим Ульгением,
Он не дал синему волку себя схватить.

На правом копыте передней ноги белое пятно — знак,
С нажим пальца, был.

Местность, где имел водопой белый байтал,
На полуденной южной стороне,

Анäm оскоттун јуртуң
Сүңат тартарңа түшкәндä,

Јардына чапчак салынып,
Тöрт чýрмäжі тöгүлүп,
Кыс ордозы арү яш.
Ак пајталды көргөн балтур.
Суу сузарын ундуп салып,
Ак пајталды костожіп,
Узак пакатып көргөн балтур.
„Калтаңым сәні тäгäн балтур,
Жалы-мынаң јäбрäш полтыр,
Кујруңы бессö кулаш болор,

Кандiј күндүдiң малы-нä?!

Мäн абамның күткäni
Чул-ан толтыра малу пар.
Jättä аjçыр малында,
Поо јäдäр малы јок тäptir.

Толзо толбозо јажын толсоң,

Jätsä jätpäzä, поjojo jätkäm.
Kүjäzä күjbäzä одым күjgändiј.
Ізibäzä-dä ордың изидän.

Тұлај пашту тү јалаңалу.

Мäн áбам тägäni балтыр,
Аldiң пажын äbïrgäni,
Алтын акчалу бај ädä.
Ажымды мäniң iчkäni болсоң
Аçылымды көргөн полсоң.

Ак јајыкта суңатту,

Таңај кoлдо ордолу,

Анäm Маjбыл, Каjраканның,

Танај кoлдүн појында,

Паза пајдың ўлуна,
Аракымды iчkäni полсоң.

От стойбища матери моей Оскот,
Когда белый байтал спустился к
воде, чтобы напиться,
Взяв ведро на плечи,
Развевая четыре косы свои,
Из девиц нежнейшая девица,
(К реке пришла) и его увидела,
Позабыв почерпнуть воды,
Вглядываясь в белого байтала,
Долго, восхищаясь, она смотрела.
Восхищенная, она говорила:
„Гриза у него пышная,
Если хвост подрастет, то станет с
сажень,
Какого это человека, живущего под
солнцем, скот?!

У моего отца полный двор
Нажитого им скота.
Среди семи косяков коней,
Коня, который с этим мог бы срав-
ниться, нет.
Хотя и не исполнились, но испол-
нились лета мои,
Хотя не дошла, достигла я до зре-
лого возраста.
Если не горит, вот, вот загорится
огонь мой,
Вот согрелось место моего лежа-
ния — постель моя.
Мой отец, она сказала,
Головами народа ведает,
Много золотых монет имеет он.
Он, просватал, пропил меня,
Мое желание (выйти замуж) усмот-
рел он.
Имеющему водопой на белом раз-
ливе,
Имеющему место обитания на озере
Танай,
Во владении матери моей Майгыла
уважаемой,
На самом озере Танай живущему,
он пропил меня.
За сына другого богача,
Он, выпив водку, меня просва-
тал.

Качан уйлү ашту ползон,

Айырлу малы кәрәк јок ää. Мына, бу малды садыбы-алып, Мән абам малданарда, Ma јәдәктәп пәрәттән болзо,

Алкыжым јәтсін тәгәj äдäm"

Аныңып сүләп ајткан болтыр. Ak аданиң ярган бајтал,

Ары паскан јолунда, Ajlү күндү туштаңанда,

Аны мактабас кіжі јок полтур.

Аніj јараш пајтал болтыр! Ak јашка јәткәндә, Ана Бајаттың ічінә,

Акі күндү ѫл парын,

Саныбы-алып аккәлгән балтыр. Ak пајталда яраган болтур,

Ak аданиң јабылған болтур. Ала барзын кәскән јәрін

Көрзөгөр мыны! Јурәкәj каниңың бојунда. Күн түштүгү јанында, Топтоj пүткән тулардың Тудуң пажынаң кәскән болтур.

Ала барсты кәскән јәрдәң,

Аjlандыра көргөндө Ана Бајаттың јавызы,

Ажыра көрүнгән јэр болтур. Күчү Бајаттың којыны, Кәчірә көрүнгән јэр болтур.

Когда я буду иметь свое хозяйство
(свой дом и хлеб)

Не надо мне будет косяка лошадей,
Вот, если бы он этого коня купил,
И, держа за повод, отдал бы мне,
Чтобы мне держать его среди своего скота,

Я бы сказала ему: „да дойдет до тебя благословение моё!“

Так девица говорила,
Когда белый байтал, шкура которого пошла на обтяжку белого бубна,

На тропах, где он ходил,
Встречал людей, живущих под солнцем и месяцем,
Не было ни одного человека, который его не похвалил бы.

Такой уж хороший байтал был!
Когда байталу минуло два года,
В пределы — во владения матери Бачат,

Два человека, живущие под солнцем, отправились.

Купив его, привели (сюда).

Конь годился быть белым байталом,

Шкурой его был обтянут бубен!
Где была срублена рукоятка, пестрый барс,

Для шестигорбого белого бубна!
Во владении самого Ўрекай хана,
На южной стороне
Нагромождение выросших гор!
На вершине горы она срублена была!

С того места, где рубили пестрый барс,

Когда кругом поглядели,
Видна была местность далеко за пределами степи Бачат,
матери моей.

То была земля, которая видна была,

За пределами — за пазухой — Малого Бачата.

Ала барсты кәскән күндү,

Көзү мының отту болтыр;
Көксү мының ојлу болтыр.
Ала барсты кәзәргә
Аланчыңынан чыңарда,

Ак чачылды тәмдәп туттур.
Тәкші тәңәрәзин тәкші адаптыр,
Үлгән бајаназын ўзә адаптыр.

Алгә ползо ёптү болтыр.

Јатка болзо, јарулу болтыр.

Ак јалдынаң чыңарда,

Аштың болзо, ўрсүм ічіп,
Арән пара'ан түшкән полтур.

Алча пәккө түшкәнің көрүп

Тәргәп тәскәп чыңардан кіжіләр
Паза јаш үланды јакшы ёрді
Аа кожно тәргәгән болтыр,

Ала барсты кәскән јәрдә

Көксү тујук күндү ѫл,

Самајына чал капкан,
Чачына мының пурул капкан,

Ар јічіт алкыш сөзүн ајдалбај.

Ажыра ашты ічкән полуп,
Алча пәккө тужә бәртір.
Кожо парсан јаш улан,
Ала барсты кәскән полтыр.
Ак сабыжын санаңан балтур.
Алчак кылыңын кылыңған балтур.
Алкыш сөзүн пілбас полтыр.
Ала барсты кәскән полтыр.
Аланчыкка ај јалдына.

Ала барсты кәзібә-алып.

Солнечный человек, срубивший
пестрый барс,

Имел огненные зоркие глаза
И ясный широкий ум.
Чтобы итти рубить пестрый барс,
Когда он выходил из дома — алан-

чыка (юрты),

Белое кропление он совершил,
Всех небесных духов, всех называя,
Ульгеней бајана всех до одного
называл,

Среди своего народа он общитель-
ным был,

Среди чужих он обходительным
был,

Прежде, чем отойти от очага (от
белого пламени),

Из питья он навар выпил,
Из водки он наиболее крепкой на-
пился, и, охмелев, упал.

Видя, как он падает, то вверх лицом,
то вниз лицом,

Люди, которые его снаряжали,
Еще молодого парня,
Хорошего мужчину с ним вместе
снарядили.

На том месте, где рубили пестрый
барс,

Простой человек (не шаман), живу-
щий под солнцем,

С висками, охваченными сединой,
С волосами, которых коснулся бу-
рый — седой налет,

Мужчина (этот) слов благословения
не мог произнести;

Чрезмерно сильно пьян он был.
Падал вниз лицом и вверх лицом.

С ним вместе пришедший юноша
Пестрый барс срубил.

Добрими мыслями он мыслил.
Имел хорошие намерения,

(Но) слов благословения не знал.
Пестрый барс он срубил.

В жилище — аланчык — к чистому
очагу,

Срубив пестрый барс,

Алкышчы јігітті алғанча,

Взяв с собой мужчину, который должен был произносить благословение.¹

Аныңп алар јанган ѡолунда.
Анаң јанган ѡолунда

Так он назад возвращался,
В пути, когда они направлялись домой,

Ала барсты қаскән күндү.

Тот солнечный человек, что срубил барс,

Ајланың җанын көргөндө
Кызыл торко јајчан ошкош,

Всю местность взглядом окидывал:
„Словно расстелившийся зеленый шелк,

Күјузу қыјмат пајадым, дәп.

Моя Бачат с дорогими берегами!“ — говорил он.

Коңалұп сарнап јанган балтур.

И так, размышляя и напевая, домой возвратился.

Жажыл торко јајгандыј

„Подобно разостланому красному шелку,

Жаказы јараш Бајадым, дәп,

Моя Бачат с красивыми берегами!“ — говорил он,

Жазап сарнап јаңган полтур.

И, напевая, домой возвратился.

Затем шаман обращался к тем, кто приводил хоня и срубил деревья:

Алты өркоштү ак аданның,
Алтын казың қаскән айлу,

У человека, срубившего золотую березу для шестигорбого белого бубна,

Ак пајталды тап кәлгән күндү әл,
Ала барсты қәзір кәлгән күндү кі-
жиләр,

У народа, нашедшего белый Байтал,

Жажы пулардың узак ползын!

У народа, срубившего пестрый барс!

Јајанп пулардың мөнкү ползын!

Приговор творца для них вечным пусть будет!

Сабаңаның сүдү чачылзын!

Пусть плодится во множестве их скот.

Јастат күстәп мал күт-сә,

Пусть рабрызгивается обильно молоко!

Јабаңа тајы көр ползын!

Летом и осенью, если будет пастис скот,

Күстәп јастап мал күтсә,

Пусть молодняка жеребцов у тебя много будет.

Кунајын тајы көр ползун,

Осенью и летом если будет пастис скот,

Әжігінә әл турлазын,

Трехлетних и четырехлетних жеребят пусть много будет.

У двери их пусть народ толчится, скопляется,

¹ Но спъянел и не мог говорить.

Түнүгінә күш турлазын,

Алдыңғы әдәгін пала пассын,

Кійінгі әдәгін мад пассын!

Алдаң алардың алары ползын,
Алға пәрәрдің пәрәрі ползын!
Мән алказам јатпазä

Үлгән бајанам алказын!

Мән сүйазім, јатпазä,

Үлгән бајанам алказын!

В дальнейшем своем пути, от места разделения дорог семнадцати ханов к акмар'у шаман встречал обитающих там „юзют’ов“. Үзүт — души умерших людей. Самые старшие из юзют’ов — муж и жена Орсок и Падұкаj — являлись действующими лицами этого камлания.

Шаман, не доходя еще до этих юзют’ов, рассказывал, как они гонят водку и, подражая их голосам, изображая, как они спорят между собой и как, зайдя шамана, они в панике переругиваются.

Муж Орсок кричал:

О, Падұкаj, кара јәргә кіргән!

Казаныңды качырқан,
Таткуруңды¹ тадызан

Аjlү јәрдәң кам кәлтәт.

Таш очобунды талаң,
Талкан күлүңбу чачып,
Таңаныңды таңрадып,

Казаныңбы қаңграп,
Кара јәргә кіждіріп іjär!

Жена Падұкаj отвечала:

О, Орсок, кара јәргә кіргән!

Сән наңі атпазын?
Јұкуну јышкырып јышкырып,
Одуннаң салзан!
Аракының пуу капшыңаj кәlзін!

У дымохода пусть птицы собираются!

На передние их полы пусть наступают дети,

На задние их полы пусть наступает скот,

Пусть будет им, что взять от народа!

Пусть будет у них, что дать народу,
Если я благословлю и до них не

дойдет благословение,

Пусть благословит их сам Ульгенъ
Байжана!

Если я скажу и мои слова не дойдут до них,

Пусть дойдет до них благословение
Ульгена!

О, Падукай, в черную землю вошедшая,

Подгоняй твой котел,

Пробуй крепость — готовность водки!

Из земли, освещенной месяцем, шаман идет!

Твой каменный очаг он разрушит,
Твою золу — талкан развеет,
Твой таган — треножник — позлетит побрякивая.

Твой котел он заставит греметь.
В черную землю заставит пойти!

О, Орсок, в черную землю вошедший,

А ты что делаешь?!

Огонь под казаном расшевели,
Дрова клади!

Пар от водки пусть скорее идет!

¹ Таткур — палочка с привязанной к ней холщевой тряпкой, предназначенная специально для пробования водки.

Орсок:

О, кара јаргә кір, Падўкаj!
Кәбің сууп самајын салактап,
Чімгірігің ағып,
Үзу мурдуң յалбылбап,
Сәйң тәргүүң пүтпәйтән!
Кәчә азып алған полөң,
Јіш алған полор әдәк.
Падўкаj:

О, Орсок, кара јаргә кіргән!
Казан камышты тәмір јасті,
Одун сууды мәні қајдуң алзың! Тәп
санаңан.
Әр полјадып, сән тәргән тәскәбә-
гәндә!

Орсок:

О, Падўкаj, кара јаргә кір!
Азарда, азарда тәп,
„Аракыны“ сән устаң салбаj,
Пәләндәп јазың!

Пу туj әртсін тәп.

Мән айткам-ок укпаңанзың!
Кара јаргә кіргән,
Көр чорбай аңдарыл-полтыр!
Јакшай мініјатämäc-nä!
Сән-бә каза паскаңда

Јакшы полбојтон!
Jäl! Мынаj Кам јат қылат!
Каніj парапыk! Каніj кірәріk!

Шаман подходил к конёкам и толу и совершил над ними алас. Потом призывал своего духа „кэр балык“, повторял обращение к нему и снова опоясывал себя этой рыбой (курчуланжат).

Затем шаман приближался к жилищу юзют'ов и с помощью духов начинал разрушать их стойбище. Он говорил, обращаясь к своим духам:

Канду ўзүт кара јактің,
Таш очоқун талап чыккар.

О, войди ты в черную землю, Паду-
кай!
Вид твой отвратительный, волосы
торчат на висках.
Сопли текут,
Рот и губы мокрые, отвисли.
Никогда своевременно у тебя ничего
не бывает готово!
Если бы вчера приготовила водку,
Мы бы успели напиться!

О, Орсок, в черную землю ушед-
ший,
Казан и половник, железо и медь,
Дрова и воду, где бы я взяла, ты
думаешь!
Ты муж, а не приготовил ничего!

О, Падукай, в черную землю войди,
„Приготовлять, приготовлять водку
надо,“
(Слово) „водка“ из уст не выпуская,
Ты все время (одно и то же) повто-
ряешь!
Я же говорил, что пропустишь зря
ты время,
А ты не слушала.
В черную землю ушедшая!
Смотри трубы¹ опрокинулись.
Не к добру же делается это!
Как только ты станешь на чем-либо
настаивать, добра не бывает.

Eee! Вот кам подходит!
Куда мы уйдем?! куда мы войдем?!

Кровавых юзют'ов черных нечистых,
Каменный очаг их разрушайте,

¹ Чорбю — изогнутые две трубы от прибора для выгонки водки.

Талкан күлүн чачып чыккар!
Тазандарың таңырадып,

Казандарын коңрадып,
Ојуп толку салып чыккар,
Айлұ йәрдің алтын кудун.

Мән калпазам, сәр кабықар,
Мән албазам, сәр алмықар!

Шаман быстро вертелся, громко кричал. Ему вторили все присутствующие: это шаман и его духи проходят место обитания юзют'ов, разрушают их паберий, приспособленное для выгонки водки, рушат их жилище и губят самих юзют'ов (юзют юзют'ов). Слышны крики отчаяния погибающих юзют'ов. Шаман, остановившись ненадолго, кричал, подражая голосам юзют'ов, и затем снова кружился.

Теперь шаман приступал к ловле ушедшей души — юла кап жат¹ с криком: «он куру!» шаман ударял в бубен и, постепенно опуская его все ниже и ниже, приближался к полу. Там он соединял обе руки, держа одной — бубен, другой — колотушку, и порывистым движением поднимал бубен вверх — это означает, что шаман поймал юла. Затем быстро вертелся. Держа обе руки соединенными на уровне лица (держа юла), он призывал кого-либо из своих духов, которому и поручал хранить эту душу. Ударом в бубен шаман отсыпал юла к этому духу.

Потом шаман призывал талајкан'а и поручал ему затопить своими водами остатки жилищ юзют'ов, разрушенную шаманом и его духами местность.

Көбүктүдә Көлбөй-кан,
Балыктуда, Балај-кан,
Чыңытуда чымай-кан,

Тал таптылу Талај-кан!
Ак яңыңын тартып кәл,
Ак жіткәгің салып кәл!
Канбу ўзүт кара јектің,
Кара јуртун казып пар,
Үзүт јуртун ојуп пар!

Шаман вертелся. Погибающие юзют'ы откликались.
Орсок кричал:

„О, кара јәргә кір, Падүкај!“

Падүкај кричал:

„О, кара јәрга кір, Орсок!“

Талкан воду разбросайте!
Таганы — треножники их заставьте
греть,
Казаны их заставьте бряцать,
Разрушая, ради забавы, взволнуйте!
Золотую душу, что пришла из земли,
находящейся под месяцем,
Если я не поймаю, вы ловите,
Если я не схвачу, вы хватайте!

В пенистых водах Кольбей-хан,
В водах, полных рыбы, Балай-хан,
Там, где скопление влаги, Чымай-хан!

Имеющий тапты-тэл, Талай-хан!
Белый разлив твой протяни,
Белым болотом твоим заболоть,
Черное стойбище кровавых юзют'ов,
Черных нечистых, разрой,
Юрты юзют'ов уничтожь!

„О, войди ты в черную землю,
Падукай!“

„О, в черную землю войди ты,
Орсок!“

¹ Душа юла может, по представлению телесотов, в любой момент уйти от человека. Человек, которого покинула душа, долгое время может и не замечать этого. Вот почему во время камлания шаман искал и ловил такие ушедшие и блуждающие души, чтобы потом, когда обнаружится пропажа души у того или иного из его больных клиентов, эту душу вернуть ее владельцу.

Ореок кричал:

„Оно! айткан! Кара јаргә кір-пар-
дың!“

Шаман вертелся в последний раз — это он проходил жилище юзют'ов и удалялся от них.

Шаман садился и, напевая, ударял в бубен. Он теперь приближался к духу кан-Кычкыл'у.

Шаман отправлял вперед, прежде себя, со своими духами к хан-Кычкыл'у табу. Для этого он из числа своих көнök'ов — трех, — отделял два и отсыпал их к духу. В обращении к духу шаман будет говорить не „два көнök'а“, а „три“, чтобы обмануть духа и преувеличить количество вина.

Шаман называл имя Кычкыл-хан'a:

Ak мардың ak Тайлика,
Ајұр жалду кан-Кычкылса.

Үч јакалу ақыр толу,
Тура ііктү тое көнögім,

Ар алды-мнаң јајалып кіргәр!

Паш јакалу ақыр толу
Тура ііктү тос көнögім,

Mäkildägän пай сабам,
Ködürmälü köl tăpsi,
Ақы мардың кдазына,
Ајұр жалду кан-Кычкылса,
Ар алды-мнаң јајалы-отур,
Мәнчә полуп кабылы-отур!

„Вот, говорил ведь я, что ты в черную землю провалишься!“

К белому мара белому Тайлыку,
К хану-Кычкылу, имеющему граву
жеребца.

Быстро толу о трех воротах,
С поперечным швом берестяной
туяс мой,

Впереди меня, мужа, направляйся,
Быстрое толу мое
С пятью воротниками,
С поперечным швом, берестяной
көнök,

Покачивающаяся богатая саба,
Поднимающаяся озеро — сельница.
К отцу белого мара,
К хан-Кычкылу, имеющему граву
жеребца,
Вперед меня продвигайся;
Так же, как я, мчись.

Произнося последние слова, шаман встал лицом к табу; отделив два из них, он отправлял их впереди себя к духу.

Шаман вертелся — он приближался, прежде всего, к живущему на пути духу хан-Кычкылу, духу Тайлык-хану или ак мар'у. Затем садился и, ударяя в бубен, обращался к этому духу. Это означает, что шаман подходил к жилищу духа ак мар'a:

Ақым мардың ak Тайлик,
Көкүн мардың көк тайлик,
Ала барска тајансан,
Ак аданиң әзі кан!
Ак мардың ак тайлик,
Ајұр жалду кыс Jäläc!
Оң көзүнәң көргөj-міnä?
Оң алкыжың пәргәj-міnä?
Әәм көзүн көргөj-міnä?
Арү чыраин паккаj-міnä?
Оң кулаңын соңткор,

Белого мара белый Тайлык — конь
Синего мара, сивый Тайлык — конь,
На белый барс (мар) опирающий,
Белого бубна хозяин!
Белого мара белый Тайлык
С гравой жеребца девица Телес!
Правым глазом не посмотрит ли?
Правое благословение не даст ли?
Ласковым глазом не посмотрит ли?
Ласковое лицо не покажет ли?
В правом ухе заставьте звенеть,

Оң табаның сырлаткар,
Сол кулаңын соңулоткор.
Сол табаның сырлаткар!

Шаман вставал с места. Подняв бубен на руке над левым плечом, проходил по солицу два-три раза посреди комнаты.

Узнав о его приближении, слуги Тайлик-хана выходили ему навстречу.

Шаман садится на свое место и поет:

Көрәгөр мыны, калың чәрүләр!

Тайлик-канның кан алчиләр,
Күндүк јардой уткуй-бад?

Кан ёжигин ачар јэр кәлди,

Піj ёжигин ачар јэр кәлди,

Кан јарбызын алар јэр кәлди,

Піj јарбызын алар јэр кәлди,

Кан ёжиккә ту'ала түстүм.

Алкыжым јатсін ўссун Ылғанғә!

Алкыжым јатсін алдыңы јуска!

Правую ступню заставьте дрожать;
В левом ухе заставьте звенеть,
Левую ступню заставьте дрожать!

Посмотрите на это мощное многочисленное войско!

Ханы послы Тайлык-хана
На расстоянии месяца пути не
встречают ли (нас)?

Мы подошли к месту, где надо
открыть дверь хана,

Мы подошли к земле, где надо
открыть дверь начальника;

Мы пришли в землю, где увидим
приговор начальника,
Мы пришли в землю, где получим
приговор хана.

У двери хана я в тупик попал.
Благословение мое да дойдет до
верхнего Ульгена!

Благословение мое да достигнет
нижних духов јэр-жол!

Шаман подошел уже к жилищу духа тайлик хана.

Шаман встал и совершил алас над толу и конёк. Затем он встал и направился в угол, где стоит конёк. Он изображал собою робко входящего человека: шел медленно, маленьими верхковыми шагами, как бы не решаясь войти в жилище духа. Шаман подходил к первой двери жилища тайлик-хана.

У двери духа шаман оставил одного из своих спутников духа — кирбі тай.

Медленно продвигаясь вперед, шаман говорил:

Айдың ползо аруунда,
Күннүң ала көркүйнә,
Јылдың бажы ајланқанда,
Јылан бажы сојылқанда,
Амәл аңаш пүр алқанда,

Аәк күүк кыјырқанда,
Јэр јарылып көк чыкканда,

Ағаш јарылып пүр чыкканда¹

В новолуние,
При сиянии солнечных лучей,
Когда голова года поворачивается,
Когда змея сбрасывает кожу,
Когда плодовые деревья покрываются листьями,
Когда закукует кукушка,
Когда расщепляется земля и показывается зелень,
Когда расщепляются деревья и вырастают листья.

¹ Эти слова шаман говорил, если камлание совершалось весной. Если камлание осенью, он начинал словами: конур малдыj.

Обращался к своим духам:

Пір ёжігін ача кіргәр,
Пір адамнаң жары алыха кабыл-
кіргәр!
Пір сурұға сурал-кіргәр,
Пір тілүгә тіләй-кіргәр!
Пөбөр тізәм паңының кіргәр,

Подолбу моңум сұна кіргәр!

Үң поғуна мөргүй кіргәр!

Открывая одну дверь, входите,
От одного отца моего приговор
получая, подхватите!
Одну просьбу прося, входите,
Одним языком прося, входите!
Предназначенные к сгибанию мои
колени, преклоняя, входите,
Вытягивая позвонки шеи моей, вхо-
дите,
Трижды сгибаясь и кланяясь, захо-
дите!

Шаман открывал первую дверь жилища Тайлик-хана. У двери его останавливал привратник Тайлик-хан'a. Он окрикивал входящего шамана.

Шаман делал круг по полу и произносил, подражая крику привратника:

Аәәй! Кіжі кәләзә кіндірбә-тәгән,
Кік кәләзә пастырба тәгән,

Јыда-мынаң јымыр-тур-тәгән,
Кылыш-мынаң кымыр-тур-тәгән!

Еесій! Если человек придет, не
давай входить ему, — говорил.
Если дикая коза придет, не впускай
ее, — говорил.
Пикой коли, — сказал,
Мечом руби, свертывай шею, —
сказал!

Шаман повертылся, шел от переднего угла дома по направлению к печи и прикасался колотушкой бубна к голове одного из присутствующих, сидящего около печи. Это означало, что шаман воплощает, "вбивает" в него Тайлик-хана — духа-привратника и этим присоединяет его к числу своих спутников-помощников. Это действие шаман повторял и в дальнейшем, у всех трех дверей, через которые он пройдет по дороге к духу. Слегка ударяя колотушкой по голове выбранного им человека, шаман говорил:

Абрәј, абрәј, абрәј!
Кан алдында козыр бол,
Піј алдында піјек бол!
Канда кірзән камајба,
Піјгә кірзән јалтанба,

Канда кірзән кајрал ал,
Піјгә кірзән пілді көр.

Тілің ала жару тарт,
Тізән ала чәгү тарт!

Абреј, абреј, абреј!
Перед ханом сильным будь,
Перед начальником высоким будь!
Если к хану войдешь, не стесняйся,
Если к начальнику войдешь, не
испугайся (не отшатывайся).
Если к хану войдешь, милость по-
лучи,
Если к начальнику войдешь, муд-
рость увидь.
Язык твой острым пусть будет,
Колени твои пусть будут вдавлены
в землю!

Шаман проходил первую дверь и подходил ко второй. У второй двери он также разговаривал с привратником.

Подойди к какому-нибудь другому человеку, сидящему у печи, шаман совершил над ним обряд абрәй — ударял его колотушкой и произносил то же, что и у первых дверей, добавляя лишь следующие слова:

Алтын кәстік пықының пыч!

Золотым ножиком, бедра твои обрежь!

Пройдя вторую дверь, шаман подходил к третьей, где он также встречал привратника.

Шаман опять совершал над кем-либо сидящим у печи обряд абрәй, заканчивая свое обращение словами:

Золотой иглой веки глаз твоих склони! ¹

Характер напева у шамана совершенно менялся. В голосе слышны подобострастие и мольба. Он хланился и размахивал слегка бубном, качая его перед собой. Шаман пришел к Тайлик-хану со словами:

Аај мөргү, аај мөргү, аај мөргү! ..

Шаман, хланился и покачивая перед собой бубен, медленно двигался по направлению к переднему углу дома. Затем, раздвинув руки, он отступал назад. Так он повторял три раза, — шаман не решался подойти к духу.

Тайлик-хан обращался к шаману и спрашивал его, откуда он пришел.

Ааај! Пуду-мынаң сідінәрдәң

Ааај! С тех пор, как начали опираться на ноги,

Мурду-мынаң тынардаң ала, кам!

С тех пор, как стали дышать устами, кам!

Канатту учпаң,
Кајқакту паспаң, кам!

Имеющие крылья не залетали,
Имеющие ноги ² не заходили, кам!
Белым бубном твоим бряцая,
На каменную колотушку твою опираясь,

Ak аданиң саңыражып,
Таш орбұна тајанып,

На таволгу твою облокачиваясь,
На пестрого барса опираясь, как
на посох,
На белый бубен опираясь,
Из какой земли ты, мчась, поднялся,
Из какой земли, напевая, пришел?
Имя и путь твой назови, кам!

Табылқыңа шідәніп,
Ала барска тајанып,

Ak адаңа Собиңуп,
Кажы јәрдәң кабылып чыктың;
Кажы јәрдәң күләп чыктын?
Ады јолуң аждын, кам!

Шаман продолжает размахивать перед собой бубном. Он называл имя того јајык'я, который почитался населением того улуса, в котором он камзад.³

Шаман отвечал духу Тайлик-хану:

Полорчык полғон ај кара јыштаң
кабылбадым.

Из исчерна черной тайги я не примчался,

Алаканча ај јатыдаң күләп чыккам!

Из освещенной месяцем степи, с ладонь величиной, напевая, я поднялся.

Улу Бајат кәзә отурған,

От ведающей большим Бачатом,

¹ Чтобы не раскрывались веки.

² Буквально, лапы с когтями.

³ Канакай совершил камзание в улусе Чолухой, следовательно, должен был указать своего јэр суудуң азі јајык'я, т. е. айам јүрәкәj.

Үссүн јаның үч казық,
Алдын јаның мұң казық,
Үч толукту әнәм Іүрәкәйдаң чыктым.
Әәј, әәй!
Кікі болзо, ады полор
Кікі ползо, түктү полор!
Нә тәғәнің калдықызын,
Нә тәғәнің үрәнізін?
Ады пажын аждын, кам!

Шаман протяжно пел и качал бубен. Он отвечал духу:
Нә тәғәнің калдық полојын!
Нә тәғәнің үрән полојын!
Үкту удул¹ үрәні-мін!
Учукчуунүң² калдықы,
Төстү камның калдықы әдәм,
Јөлбө³ чүнүң үрәні әдәм!

Шаман называл Тайлих-хану имена всех своих предков төс'ов.
Шаман называл имена всех своих предков шаманов:

Кам Апурнак каңылбам,
Кам Сөлпөктөң тартылбам,

На верхней стороне, которой три кола,
На нижней стороне, которой тысяча колов,
От треугольной матери моей Урекей я поднялся, пришел. Говорит:
Еее! еее!
Если человек, то он с именем будет,
Если дикая коза, то она с шерстью будет!
Как называемого (кама) ты — последыш,
Как называемого (кама) ты — потомство?
Имя и голозу твою назови, кам!
Как называемого (кама) я последыш буду!
Как именуемого (кама) я семя — потомство буду!
Я семя — потомство родовитого шамана...
Я последыш того, кто скручивает сухожилия — тетиву,
Я последыш шамана, имеющего духов,
Я семя — потомство шамана, камлажущего с помощью лука!

Я соприкасался с шаманом Апурнак'ом.
Я был притянут шаманом Шольбок'ом,

¹ удул — синоним шамана (ср. монгольское удул — шаманка). В шаманских призываиях шаман очень часто называл себя удул и умыл. уымлу јайдү кам удул Канакай әдәм „я кам Канакай, рот которого приспособлен для разговора с духами“. Так же называли и духи шамана. Узы јайдү кам удулым „мой шаман, рот которого приспособлен для разговора с духами“.

² Учукчу — синоним шамана. Так называли шамана тогда, когда он камлал духу жарыс сам'у. Для того чтобы запить земную щель, шаман с помощью особых мастерий сущил двадцать семь ниток из льна и сухожилий быка или коровы, называемых учук (в быту учук называются только нитки для шитья материи). Этими нитками зашивалась земная щель.

Учукчу же назывался кіріш — тетива лука и бубна в шаманском языке.

³ Јөлбө — маленький лук, с помощью которого специальные гадатели и шаманы совершали камлание. Јөлбө-йіргә — ворожить, шаманить с помощью лука.

Кам Отконноң кычырғам,
Кам Јарәннән күйірғам,
Кам Міткәдәң, кам Мітәмнаң!

Кам Іазы-балық кычырғам,
Кам Сарғабаң тартылғам,
Кам Кобордоң күйбүрғам,
Кам Пөнөк пазылғам!

Тәжілік-хан опять спрашивал:

Аәәj, аәәj!
Карада ала појұннаң-ба
Калык-та ала кіжідән-бә?
Ады бажың айдын кам!

Шаман снова кланялся, протягивая руки, и говорил:

Кара-да ала појумнаң ёмас,
Калык-та ала кіжідән ёмас

Аршындајын тазылым біr,
Арбалајын кылқам біr,
Озү мының адазы полғон,
Аjlу јәрдәң айрылған,

Арғыс канә сабылған;
Күндү јәрдәң айрылған,

Күндүс канә сабылған.
Әр појумның өзү мәнің адам полғон.
Аләш тәгән әр jіgіt.

Анын кулбу.

Анаң калған калдықтар
Аттың кулаңы ўч түңәj,

Ән ортоны әр појумнуң.
Канакай тәгән әр jіgіt-mіn!
Әр појумнуң јәр ажіктәң кабыла
јәttіm.

Арғымак ајак тәр алып јәttіm,

Әрдің караңын јаш алып јәttіm!

Я взывал из-за шамана Откон'а,
Я кричал из-за шамана Ерен'а,
От шамана Митке и от шамана
Мите!

Я взывал из-за шамана Язы — ба-
лык'а,
Я был притянут шаманом Сарга,
Я метался — был безумным из-за
шамана Кобор'а,
Меня давил шаман Пөнөк!

Ееей, ееей!
От черного ли себя (ты пришел)?
От народа-людей (пришел) ли?
Имя, голову твою назови, кам!

И не от себя, черного, я пришел,
И не от народа-людей я при-
шел...

Как у травы арчины один запал,
Как у зерен ячменя один колос,
Один отец у нас был.
От освещенной месяцем земли он
отделился,

К далекому хану отправился;
От освещенной солнцем земли он
отделился,

К отдаленному хану отправился.¹
У меня, мужа, родной отец был
Мужчина по имени Алеш.

Я его потомок —
От него оставшиеся остатки
Троекровных, как у коня уши, мы
братья,

Из трех братьев я средний буду,
Муж по имени Канакай!

Я сам от своих дверей, мчась, изну-
ряя себя, прибыл.
Я прибыл, заставляя ноги коня по-
крыться потом,
Я прибыл, заставляя глаза мои на-
полниться слезами!

¹ Т. е. отец умер.

Тайлик-хан говорит:

Ааај, ааај!
Іістің јајаң кызыл күрт,
Кајыш курлу кара алманду,

Тұктұ пашту күндү äll

Пілінбәгән пілінді-бә?!

Тыым баңан тыјынды-ба?!

Шаман говорил:

Жалынанымды уккаj-пәдің?!
Жалбаранымды сәскәj-пәдің?!
Әәм көзүң көргөj-пәдің?!

Арү чыраj паккаj-пәдің?!

Тайдік-хан:

Ааај, ааај!
Тайка полюон толу тутсаң,
Талај полюон ажын тутсаң,
Кан јарбызы анда полор!

Шаман повернулся спиной к көнік'ам — обращался к каракуш — черной птице — и говорил:

Јас тырмакту кара күш!
Устар атқан тор аяңым,
Устар атқан кызыл чуңыр,

Колдоң колдоң қабыл түш!
Үч ороло курчаj түш,
Алтын торын салып түш!

Ееей, ееей!

Нами созданный красный червь,¹
Черный данник наш, имеющий ре-
менной пояс,
Живущего под солнцем народ с
мохнатой головой!
Не признающий, не хотелший знать
нас, признал ли?
Не замечающий нас, заметил ли?

Послушаешь ли мою мольбу?
Почувствуешь ли мое унижение?
Ласковым глазом твоим, не посмот-
ришь ли?

Благосклонное лицо твое, не пока-
жешь ли?

Ееей!

Если поднесешь толу с тайгу,
Если поднесешь питье с море,
Тогда приговор хана будет!

Черная птица с медными когтями!
Сделанную кузнецом чашу „тор“,
Сделанную кузнецом красную, глу-
бокую,
Из рук в руки передавай!
Трижды окружая, спустись!
Золотую сеть — тор (на чашу), на-
кидывая, спустись!

Шаман получал из лап черной птицы невидимую для присутствующих чашку. Он наливал в нее невидимое вино и подносил Тайлик-хану.

Шаман вставал лицом к көнік'ам, держа в одной руке бубен, другой рукой раз-
махивая колотушкой и обращался к духам:

Орқучулар орқыj салқар,
Пурқучылар пырқыj салықар!
Узундаңызын түбәнә,

Завиватели, завивайте — свивайте,
Мешатели, мешайте!
Сделайте так, чтобы находящееся
на поверхности стало на дне,

¹ Детский кут — зародыш — телесуты сравнивали с красным червем (кызыл күрт), отсюда и народ — люди в шаманском языке носили название „красный червь“. С другой стороны, духи, называя так шамана и людей вообще, подчеркивали свое превосходство над ними.

Түбүндәгізін узуна!
Пірінчі аjak білгілү-јарәмлү аjak,
Пірадамның алқышту аjak!
Ајлу чайған ак айран,
Ај мурдуң ну јара алзын!
Күндү чайған көк айран,
Тоң көксүндү поло алзын!

Чтобы то, что на дне, стало на поверхности!
Первая чаша присужденная, законная чаша,
Чаша, имеющая благословение от первого моего отца!
Изготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,
Пусть расщепит на две половины твой рот (т. е. пусть вызовет у тебя отрыжку)!
Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран.
Сквозь крепкую спину твою пусть пройдет — пусть разделит спину твою!

Шаман подходил к кёйк'ам и, держа бубен за рукоятку „барс“, касался ею кёйк'а. Проводил бубном пять раз по горизонтали — этим шаман делал содержимое кёйк'а на пять частей. Пять чашек абыртки он должен будет поднести духу. Шаман, повернувшись по солнцу, говорит:

Ажыра көрәң адам Тайлыхан.

Проглоти, — пропусти, отец мой, Тайлыхан!

Это означало, что шаман подал первую чашку духу. Шаман делал движение, как бы глотал напиток и громко отрыгивал; то дух выпил поданную ему чашу и указал на свое удовлетворение количеством абыртки.

Шаман подавал духу вторую чашку и говорил:

Ақінчі аjak ѡарәмлү аjak,
Ақі адамның кадавду аjak!
Оң көзүңнәң көргөj-мінәң,
Оң алдыжың пәргәj-мінәң?
Аәм көзүң көргөj-мінәң?
Арү чырајың паккаj-мінәң?

Вторая чаша, законная чаша,
Второго отца моего, повторная чаша!
Не посмотришь ли правым твоим глазом,
Не дашь ли правое твое благословение?
Не взглянешь ли ласковым глазом,
Не взглянешь ли с улыбкой на лице?

Шаман делал глоток и отрыгивал; дух выпил вторую чашку и остался доволен. Шаман подавал Тайлыхану третью чашку и говорил:

Үчүнчү аjak ўlgүlү аjak,
Үч адамның ѡарәмлү аjak!
Кан тарынбас полбос-па,
Кара паңып көrböс-pö?!

Третья чаша — образцовая чаша.
Третьим отцом моим присужденная чаша!
Разве не может хан не сердиться,
Разве нельзя оглянуться ему и посмотреть?!

Пій тарынар полбос-по,

Пәрі паңып көрбөс-пö?!

Разве не бывает, что начальник не
сердится,
Что разве нельзя ему в эту сторону
поглядеть?!

Тајлік-хан, выпив третью чашку, смиходительно отвечал шаману:

Аәәj! Аәәj!

Ajly чаган ак айран

Aj мурдумды јара алды!

Күндү чайгән кок айран,

Тоң коксұмдү пöлө алды, кам!

Еeej! Еeej!

Приготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,
Через рот мой прошел — рот мой на двое раздвинул!

Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран,
Сквозь крепкую грудь мою прошел — грудь мою разделил!

Шаман подавал Тајлік-хану четвертую чашку, со словами:

Тортүнчү ajak jölröly ajak,
Торт адамның каданду ajak!

Арікпазай ардинві,

Пузукпазай мурдуңду сал!

Алтын јарқынды чачкай-шідәң,

Ajlydiң күнің, көргөj-підәң?!

Күміш јарқынды пәргәj-підәң,

Күнбүдүң күнүн көргөj-підәң?!

Четвертая чаша — чаша ворожбы,
Четвертого отца моего повторная чаша!

Если не наскучит тебе, прикладывай губы твои,

Если не питаешь отвращение, уста твои приложи!

Твой золотой приговор, не развязешь ли?

На живущего под месяцем человека не взглянешь ли?

Серебряное решение твое не дашь ли?

На человека, живущего под солнцем не посмотришь ли ты?!

Подавая пятую чашу, шаман говорил:

Пәлагаш каның пазінчі ajak,

Паш адамның јарқылу ajak!

Калсаңаңын каңын пәргәр,
Каныма толо салып пәргәр!
Улу түбүн шыпкан туткар.

Оң көзүнай көргөj-міnä,
Оң алкыжың пәргәj-міnä,
Азандіккә пәргәj-міnä,
Албак күнгә јајаң-міnä?!

Пелегеш-хана (т. е. Тайлык-хана) — пятая чаша,

Пятым отцом моим присужденная чаша!

Последнее вытряхивая, подайте!

Хану моему полную чашу налейте!

Великое дно дочиста освободите —

на дне ничего не оставьте!

Правым глазом не посмотрит ли,
Правое благословение не даст ли?

Для благополучия не даст ли,

Для богатых — широких дней не сотворит ли?

Шаман от имени Тайлік-хана откликался:

Әәә! Әәә!
Оң көзүмінәң көрбүм, кам!
Оң алкыжым пәрәрім!
Әзәндіккә тәмдарім,
Әлбәк күнгә јајаңым!

Ееей! Ееей!
Правым глазом, я взгляну, кам!
Правое благословение дам!
К благополучию направлю,
Для легких, богатых дней сотворю!

Шаман говорил, уже несколько увереннее:

Ak Үлганиң јајунча
Алты өркөштү ak аданның,
Паштапқызыны ала барста тајандым,

Ак аданса сбондүм,
Ак мардың ak Тайліктаң
Арғыш сурал јајалып јәттім.

Оң көзүнинәң көрүп калзан!
Оң алкыжың пәріп калзан!

Согласно творению Ульгена
Мой шестигорбый белый бубен!
В первый раз я оперся на пестрый
барс,
На белый бубен налег.
От белого мар'a белого Тайлык'a
Испрашивая благословение, я при-
шел.
Правым глазом, если бы ты взгля-
нул!
Правое благословение, если бы ты
дал!

Шаман от имени Тайлік-хана отвечал:

Әәә, аәә!
Алты өркөштү ak аданның,
Алты көстү ала барсың,
Салғындуда ужук ползың,

Сајлұ күндә јөлөк ползун!

Јаңылқанда јаак ползун,

Сүриү кәндә тујұк ползун!

Күндү әлгә туза ползун!

Ееей, ееей!
Шестигорбый белый бубен,
Шестиглавый пестрый барс твой!
В ветреные дни пусть будут тебе
убежищем — защитой.
В иенастные дни пусть будут тебе
опорой!
Когда ты ошибешься, пусть будет
отвечать за тебя (пусть щекой
будет).
Когда ты споктишься, пусть тебе
опорой (копытом) будет!
Народу, живущему под солнцем,
пусть польза будет!

Шаман обращался снова к Тайлік-хану и просил у него спутника — помощника, чтобы идти дальше к Кычкыл-хану:

Мынаң озо каңылбадым,
Тұнаң озо күләбәдім.
Әр алдымға әлчі пәр,
Паштап чыңарға пашчы!

До настоящего времени я не ходил
к духам,
Раньше этого я не напевал!
Впереди меня (идущего) послан —
спутника дай,
Чтобы руководил и вел меня, руко-
водителя дай!

Шаман от имени Тайлик-хана соглашался и говорил:

Ар алдына ёлчі пәрәйін,	Да, дам тебе спутника, что впереди тебя пойдет,
Пашпат чыңарса пашчи пәрәйін,	Да, дам тебе руководителя, что тобой руководить будет.
Караңаның көстө ползын,	Что глазом твоим увидишь, из глаз не выпускай.
Кармаңаның көлдо ползын!	Что захватишь, пусть в твоей руке будет!

Шаман несколько раз кланялся Тайлик-хану, сопровождая поклоны следующими словами:

Мөргү-бә, мөргү! Мөргү-бә, мөргү! С поклоном — поклон! С поклоном — поклон!

Шаман выходил из владений Тайлик-хана. Он возвращался к своему спутнику — духу, которого поставил у двери, входя в жилище Тайлик-хана. Спутник — дух встречал шамана следующими словами:

Ааа! ааа!	Ааа! Ааа!
Чыктын-ба, кам?	Вышел ли ты, кам?
Кан ёжигін ачтын-ба?	Дверь хана открыл ли ты?
Кан јарғызын алдын-ба?	Приговор хана получил ли ты?
Кан ёжигі кат полды-ба?	Дверь хана не была ли недоступной — твердой?
Піj ёжигі пәк полды-ба?	Дверь начальника не была ли крепко запертою?

Шаман отвечал:

Кан ёжигі кат полғон јок,	Дверь хана недоступной не была,
Піj ёжигі пәк полғон јок!	Дверь начальника крепкой не была!
Кан јарғызын алғандій-мін!	Как будто бы приговор хана я получил!

Шаман выпрямлялся и, стоя, громко звал своего духа — гусь (кас), на котором он и будет теперь совершать свой дальнейший путь.

Јајык кәскә-јаңылбас,	Если перелетает через разлив (реки Урал), — не теряет свой путь
Пестрощекий Чымар гусь!
Јаңы ала Чымар кас,	Если перелетает через реку Волгу,
Әділ кәскә ёрікпәс,	никогда не скучает,
Әәгі ала Чымар кас!	С пестрым подбородком, Чымар гусь!

Гусь — кас — откликнулся на зов шаману. Теперь шаман ехал на гусе. Шаман подражал крику гуся. В дальнейшем, в напеве, в голосе шамана слышалось гусиное гоготанье.

Шаман пел, обращаясь к гусю:

Оң канадың яжа сал,
Сол канадың кыма сал!
Ак аястың алды мынаң,
Ак пулуттун мурду мынаң,
Капшиңајла кабылы отур!
Калбыракка тартыбы-отур,
Сүргән ярға сүрә јат,
Көргөн ярға көрө јат,
Ат көдурбас ар толуну!

Толудың бажы көрүнә калды,
Толудың бажы пілдірә калды,
Алкыжым јатсін ўссүн Ылгандай!

Шаман вставал и вертелся — кружился. Это означало, что шаман догнал отославших им вперед табу.

Духи шамана, посланные им сопровождать табу, выражали шаману свое недовольство его задержкой в пути.

Духи кричали на шамана:

Алај, алај, алај кам!
Сактај, сактај, — сак полдым!
Саңысан кујруғун сарт кастім!

Кара јарің казындың-ба?
Кату аңажың чамындың-ба?

Шаман оправдывался перед духами, просил их не сердиться на него:

Кара јарін казынбадым,
Кату аңажым чамынбадым.
Айлұдің кууні күч полуп,

Ajlik полуп кабылып јаттім;

Күндүдің кууні күч полуп,

Күндүк полуп кабылып јаттім.

Корлонбојор оксынбаңар,
Табұчылар толучылар!

Произнося имя Кычкыл-хана «ак малдың адазы аյұмр жалду кан Кычкыл», шаман подходил к конёк'ам и толу; отделял два конёк'а и три толу и отдавал их духу Кычкыл-хану. В обращении к нему шаман говорил о пяти конёк'ах и пяти толу, чтобы превеличить свой дар:

Ак Мардың адазы.
Айымр жалду кан Кычкылда,

Правое твое крыло распусти,
Левое твое крыло подожми!
Под белой ясностью,
Впереди белых туч,
Поспеши лети!
С шумом крылья расправь,
Где заметишь, там и догони,
Где увидишь, там и настигай.
Чистое мое толу, которое конь не
сможет поднять!

Голова толу видна,
Голова табу заметна.

Да дойдет мое благословение до
верхнего Ульгена!

Алай, алай, алай кам!
Ждали, ждали, заждались!
(От нечего делать) хвост сороки
я обрезал!
Черную землю, что ли, ты рыл?
Твердое дерево, что ли, ты тесал?

Черную землю я не рыл,
Твердое дерево я не тесал,
Людей, живущих под месяцем, жалко
было оставить,
На месячный срок задержавшись,
(теперь) я, мчась, пришел;
Людей, живущих под солнцем,
трудно было оставить,
На сутки задержавшись (теперь),
я, бушуя, несясь, (vas) настиг.
Не возмущайтесь, не порицайте,
Вы, сопровождающие табу и толу!

К отцу белого мар'a,
К хан-Кычкыл'у, имеющему гриву
жеребца,

Паш јакалу абыр толу.
Тура ѡйтү төс көнөгім,

Әр алдымнаң јајалып кіргәр!

Паш јакалу абыр толу,
Тәлкіләгән пај сабам,
Көдүрмәлү көл тәпші,

Ағы Мардың адазына,
Айбыр јалду кан Кычкылә,

Әр алдымнаң јајалы-отур!

Мәнчә полуи кабылы отур!
Көдүрмәлү көл тәпшім,

Көк пулутча көчүп кірән!

Чистые толу о пяти воротах,
Берестяной конёк мой с попереч-
ным швом,
Вперед меня направляясь, вхо-
дите!

Чистое толу о пяти воротах,
Покачивающаяся богатая саба моя,
Озеро — сельница, предназначенная
для возношения,

К отцу белого мар'a
К хан-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,

Впереди меня, мужа, продвигай-
тесь!

Подобно мне мчитесь!
Моя озеро — сельница, предназна-
ченная для возношения,

Подобно синему облаку пусть про-
двигается!

Шаман направлялся к главному духу ак Мардың адазы хан-Кычкыл'у — цели своего путешествия. У трех дверей жилища духа хан-Кычкыл'a шаман оставил своих духов, спутников, разговаривал с привратниками хан-Кычкыл'a и, наконец, представлял перед самим духом, которому и показывал свой новый бубен. Происходил тот же разговор, который шаман только что имел с духом Тайжик-хана.

Шаман также угощал Кычкыл-хана. Камлание Кычкыл-хану повторяло камлание ак Mar'y; Тайжик-хану.

Закончив переговоры с духом Кычкыл-ханом, шаман выходил из его жилища и призывал опять духа гуся, на котором он и отправлялся в обратный путь. Шаман объяснял гусю, что он возвращается теперь домой. Он пел:

Оң кајадың јаја сал,
Сол канадың кыма сал!
Ак аястың алды мынаң,

Ак пулуттуң мурду мынаң,
Капшыңајла кабылы отур,
Калбыракка тартыбы отур,

Аланчыңым ак јалдымса,
Сәчіс кыјын төрт толукка!

Правое крыло твоё расправь,
Левое крыло твоё приими.
Под белой ясностью — лазурью

неба,
Впереди белых облаков
Быстро лети.

Распрострай твои крылья и напра-
вляйся

К белому пламени моей юрты
(аланчика),
К восьми срубам — четырем углам
(т. е. к дому).

Шаман долго вертелся — это означало, что он возвращался теперь назад.

По дороге домой шаман проходил в обратном порядке все этапы, через которые он пришел к Кычкыл-хану. Он миновал владения ак мар'a, шел по опустошенным им стойбищам узёт'ов и доходил до разделения путей семнадцати ханов. Он ѫтти

канның жаралып жәр. Он подходил к самому отдаленному јымык'үалам Прас ічтәр и сообщал ему о том, что он возвращался теперь домой от Кычкыл-хана:

Сырык јатпәс таш көнök!

Анäm Прас ічтәр!

Ајсыр јалбу кан-Кычкылдың,

Аланчыым ак јалдым,
Сäçis кыын торт толукка,

Мäн сабылып пар-јадым

Эти же слова шаман повторял и остальным восьми јаýк'ам, владения которых он проходил.

Пройдя последний јаýк — наименее близкий к улусу Чолухой — јүрәкәj, шаман в последний раз вертелся и, стоя посреди дома, обращался к духу-гусю. Шаман отпускал его, говоря:

Jaýk кäчсä јаýлбас,

Jaýы ала Чымар кас!

Ädil кäчсä äрекпäс,

Äägi ала Чымар кас!
Сүт ак кöldän суңатал,
Сүрун тууданj ёмäтал.
Карылұса кörүнбä,
Камчылда түжүрбä!

Каменный конёк, до дна которого не достает жердь!

Течение матери моей Мрассы!
От хана-Кычкыла, имеющего гриву
жеребца,
К белому пламени моего алансыка
(юрты),

К восьми обрубам четырех углов,
Я с шумом назад мчусь

Если он пролетает над разливом
(реки Урал), он не сбьется с пути,
О, пестроцветный мой гусь Чымар!
Когда он пролетает Волгу, он не
затоскует,

Краснощекий мой гусь, Чымар!
Из молочного белого озера лей,
С горы Сүрүн бери себе пищу!
Не показывайся имеющему руки,
Не являйся во сне имеющему
плеть.¹

Затем шаман направлялся к двери и садился там на корточки лицом к порогу. Шаману сразу же откликался хозяин порога, называя свое собственное имя: —

äйтү, äйтү, кара кööш!

Äайте, äайте, Кара Гööш! —

и спрашивал шамана об его путешествии к Кычкыл-хану:

Кан äжигi кат полды-ба?

Дверь хана плотно запертой не
была ли?

Пij äжигi пак полды-ба?

Дверь начальника недоступной не
была ли?

Кан јарызыны алдын-ба, кам?

Приговор — решение хана получил
кам?

Шаман отвечал:

Кан äжигi кат полғон jak.

Дверь хана недоступной не была,

Пij äжигi пак полғон jok!

Дверь начальника крепкой не была!

Кан јарызыны алғандi-j-miñ!

Приговор хана как будто бы
я взял!

¹ Т. е. даже во сне никому не являлся, кроме меня.

Айна пазар юлына.
Алты чулсанып јадып кал!
Айна юлын пош пәрбә!

На дороге, где ходит айна,
Оставайся лежать, в шесть раз
свернувшись!
Доступа (в этот дом) злому духу
не давай!

Шаман вставал и шел в передний угол. Там он садился на свое обычное место на скамейку.

Шаман отпускал своих төс'ов, говоря:

Јардым паскан јаш ўландар,
Іінім поскан ёр ўлустар,
Туулар, туулар паштарына.
Jälä, jälä појлорына

Кыјма кылыш тудун турғар,
Кірмә кіріш тартын турғар!
Кычырқаным сәк уңуғар!

Кыјырқаным јап уңуғар!

Наступившие на мои плечи молодые
ребята,
Давившие мои плечи мужи,
На вершинах гор,
На хребтах вереницей тянущихся
гор,
Лунообразный меч держа, стойте,
Крученую тетиву натягивая, стойте!
Ожидая зова моего, чутко вслуши-
вайтесь, прислушивайтесь!
Крик мой тотчас услышать будьте
готовы!

Шаман переставал ударять в бубен, — он держал колотушку так, что она висела на ремне у него, на пальце. Шаман щелкал три раза по коже бубна. Засовывал колотушку за рукоятку бубна, а бубенставил в угол на скамейку, сплошной разрисованной стороной к стене. Шаман несколько раз зевал. Ему подавали јап көйөк — небольшой туяг с абырткой, привязанный к большому көйөк'у — туясу. Из него шаман кропил абырткой хозяина порога (позою) и еще раз обращался к нему:

Ај каразы јорукту,
Ају пашмак өдүктү,
Түи каразы јарукту,
Түктү пашмак өдүктү!
Алтон ају тәрәзі,
Ајак учка јатпәйтән,
Јаттон ају тәрәзі,
Јән, учуна јатпәйтән,
Кәрә сәбәм ајулу,
Кәзік пычкак тырмакту,
Адазынаң күчтү туңан,
Адам күчтү, Кајракан,

Үч әжіктү кара Гёш-кан!

Имеющий промысел на ущербе
месяца,
В башмаках из медвежьих шкур,
Имеющий промысел в темноте ночи,
Имеющий шерстистые башмаки!
Шестьдесят медвежьих шкур
Нехватает тебе на конец ноги,
Семьдесят медвежьих шкур
Нехватает тебе на конец рукава.
Имеющий зубы с сажень,
Имеющий когти с обрубок ноги,
Родившийся сильнее своего отца,
Отец мой, наделенный силой, уважа-
емый,
Имеющий три двери Черный
Гёш-кан!

Шаману подавали трубку и он курил. На этом заканчивалось камлание с новым бубном.

III

Такое же камлание Кычмын-хану шаман должен был совершать каждый раз, когда он обменивал свой старый бубен на новый.

Как мы говорили выше, по некогда существовавшим представлениям телесотов, духи при выборе нового шамана определяли ему точно количество бубнов, которое он сможет иметь в продолжение своей жизни. Число назначаемых для каждого шамана бубнов неодинаково: оно колеблется от трех до двенадцати.

Шаман сам решал, когда ему обновить свой бубен. Он просил сделать ему новый бубен обычно тогда, когда старый, в результате длительного употребления, уже изнашивался. В случае задержки с заменой старого бубна новым, духи, по словам шаманов, напоминали, что пришло время получить новый бубен. Обычно шаманы старались не часто менять бубен, так как по существовавшим представлениям число бубнов определяет продолжительность жизни шамана. Каждый из числа назначенных — предоставленных ему духами бубнов шаман „показывает Кычмын-хану“, т. е. при каждом таком обновлении бубна совершалась та же сложная процедура, что и при получении первого бубна. Как мы говорили выше, от старого бубна шаман оставлял лишь металлические части кирш — железную горизонтальную перекладину, с подвесками, и рукоятку. Остов бубна (обечайка и кома) изготавливался заново. Заново же наносились рисунки. Новый бубен должен быть точно таким же, каким был старый.

Бывали случаи, когда шаман, боясь, что ему мало будет того числа бубнов, которое ему предоставили духи, делал себе при инициации старого бубна новый бубен, тайком от духов.

В этом случае шаман никому не объявлял об этом, бубен ему делали близкие тайно. Ничего торжественных камланий не происходило. Шаман не шел показывать этот „незаконный“ бубен и Кычмын-хану.

Со смертью шамана „кончает жизнь“ и его бубен: внешне это выражалось в том, что кожа бубна прорезалась ножом.

После похорон шамана кто-либо из присутствующих (не обязательно родственник) прорезал ножом кому бубна и относил его куда-нибудь подальше от улуса. Он вешал бубен на дерево, произноси следующие слова:

Алты ёркөштү ақ аданы,
Ала кајынса үліл жат!
Алтын туу
Он јәтті каның тарам јолбо чачыл
жат!

Шестигорбый белый бубен
На пестрой березе висит,
Золотые ленты — знамена —
По пути, где разделяются дороги
семнадцати ханов, рассыпаются

Затем человек, разрезавший бубен, произносил имена всех јајык'ов, владения которых расположены по пути к тому месту, где расходятся дороги семнадцати ханов он јәтті каның јачылыка ончо каның тарам јолбо. Этот человек говорил, обращаясь к бубну:

Алты ёркөштү ақ адам,
Кан јолына каңылбај јазың,
Ала кајынса үліл жазың!
Алтын туу јус јолуна ужалбај
Он јәтті каным тарам јолбо чачыл
жажын!

Шестигорбый белый бубен,
По дороге хана ты (больше) не
мчишься,
На пестрой березе ты (теперь) под-
вешен,
Золотые ленты, на пути духов јар-
јол вы больше не мнетесь,
На пути расхождения дорог сем-
надцати ханов (теперь) вы раз-
веяны — разбросаны!

В отдельных семьях после смерти шамана родичи оставляли рукоятку от его бубна чалу и присоединяли к другим культовым предметам, хранящимся дома. С этой рукояткой связывалось представление о покровительстве умершего шамана и наследственной передаче его дара (рукоятка мыслилась предком шамана). Она хранилась годами и неизменно переходила, вместе с другими изображениями духов (*ämägäindär'ami*, *änäkälär'ami*), — изображениями духов предков — женщин, *kürmüs'üm* — покровителем дома, *kanatтудар'ами* — покровителями охотниччьего промысла, — от отца к младшему сыну, обычно наследовавшему дом отца.

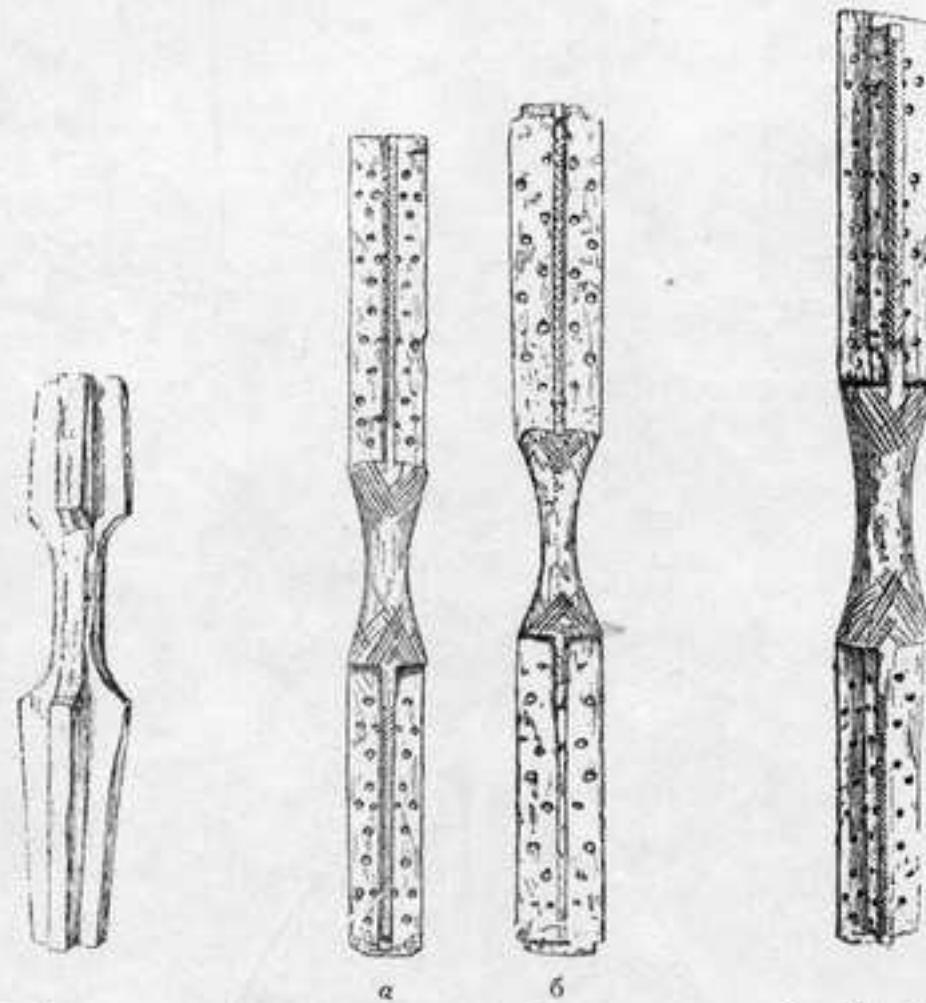

Рис. 10. Рукоять бубна
№ 3974-193- $\frac{e}{2}$ 1.

Рис. 11. а, б. Рукоять
№ 5063-4.

Рис. 12. Рукоять
№ 5063-5.

№ 3974-193- $\frac{e}{2}$ 1 чалу — рукоять бубна, изображающая предка шамана. Длина — 27 см, ширина 5 см, толщина 3,5 см (рис. 10).

№ 5063-4 чалу — рукоять бубна. Длина 69 см, толщина 6,5 см (рис. 11).

№ 5063-5 чалу — рукоять бубна. Длина 71 см, ширина 8,5 см, толщина 6,1 см (рис. 12).

Кроме того, в память умерших предков шаманов изготавливали маленькие деревянные бубны, стараясь сделать их возможно больше похожими на настоящие шаманские бубны.

№ 2334-98-1. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1,5 см, окружность 38 см), скрепленного веревочкой, и из двух перекладин, крестовыми вертикальной (длиной 12,5 см) и горизонтальной (длиной 9 см). Диаметр бубна — по вертикали 13,5 см, по горизонтали 9,5 см (рис. 13).

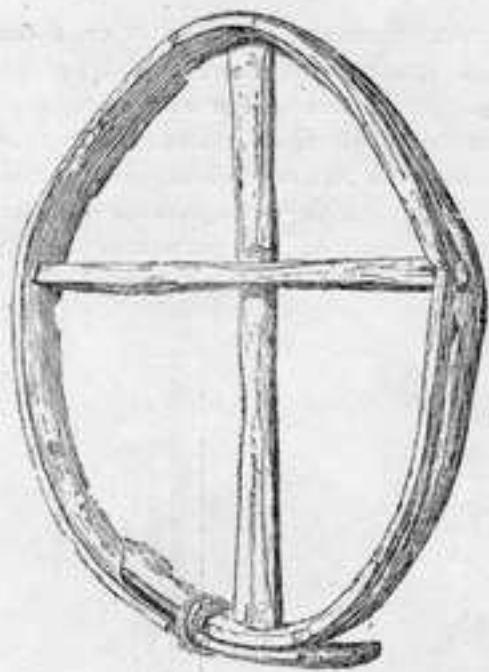

Рис. 13. Маленький бубен № 2334-98-1.

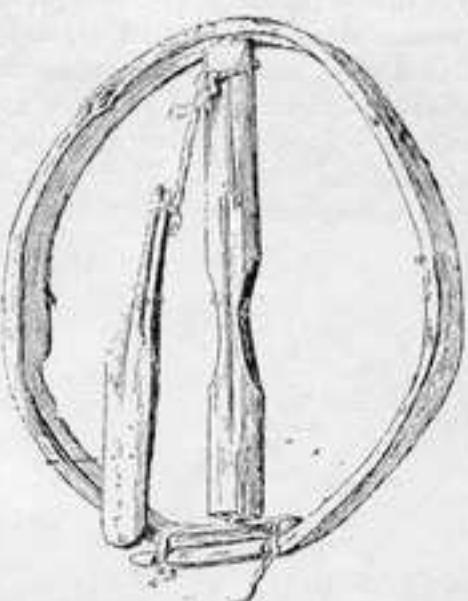

Рис. 14. Бубен с колотушкой № 2334-98к.

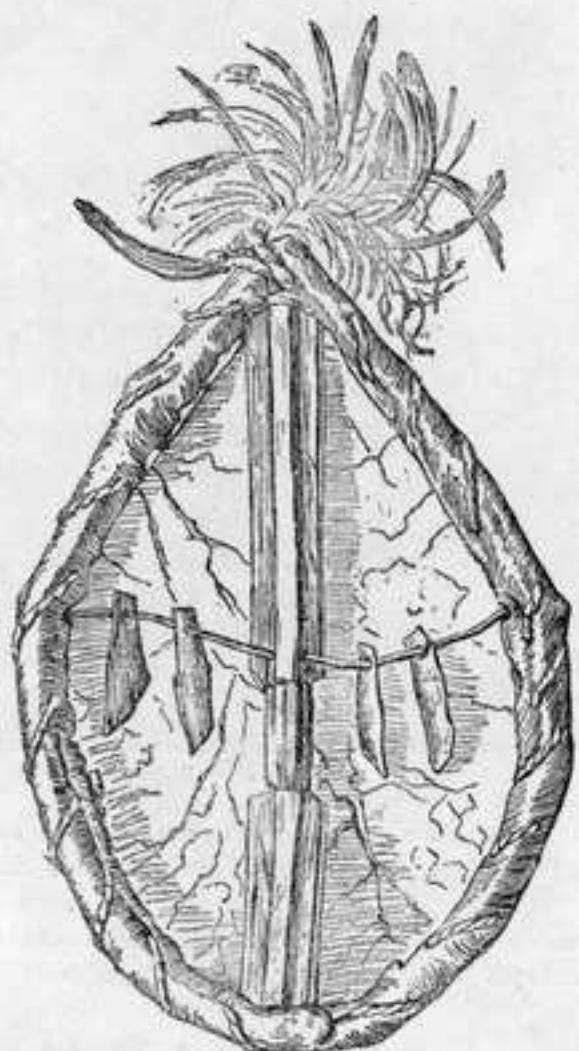

Рис. 15. Бубен № 3974-197ав.

№ 2334-98к. Маленький бубен состоит из деревянного обода (ширина 1 см; окружность 34 см), скрепленного в двух местах бечевкой, и вертикальной, суживающейся посередине поперечиной (ширина 1 см; длина 9,5 см). К поперечине с помощью веревочки прикреплена деревянная палочка с суживающимися концами (длина — 7,5 см), имитирующая колотушку от бубна „орбу“ (рис. 14).

№ 3974-197ав. Маленький бубен, состоит из деревянного обода, обтянутого кожей, и поперечной рукоятки, суживающейся посередине и имеющей по вертикали выступ. По форме перекладина соответствует перекладине большого бубна (рис. 10 и 11); сквозь перекладину пролегла проволока, повторяющая кіріш — „тетиву“ — большого бубна (рис. 1 и 3). Она упирается во внутреннюю

Рис. 16. Бубен № 5063-26.

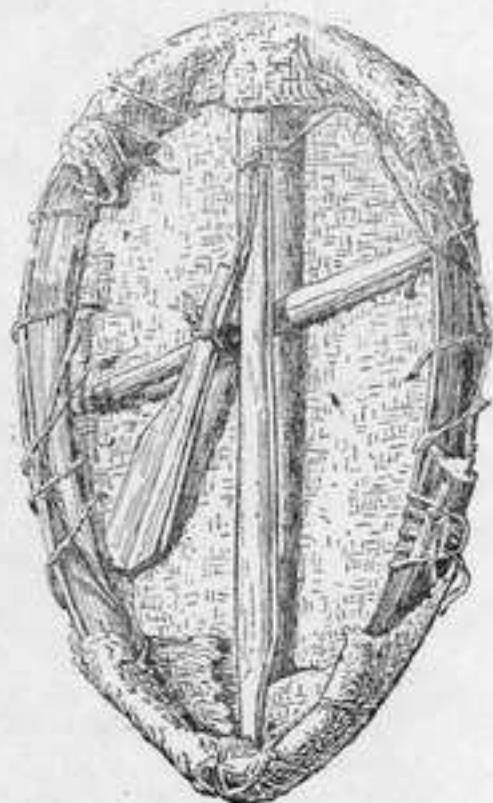

Рис. 17. Бубен № 5063-27.

сторону обечайки и имеет две железные привески. К верхнему краю бубна прикреплены перья (такие же перья прикрепляются к матерчатым изображениям энгенд'ор'ов) (рис. 15).

№ 5063-26. Маленький бубен (форма неправильного круга) состоит из обечайки, скрепленной в одном месте бечевкой, и двух перекладин. Вертикальная перекладина представляет собой рукоять бубна, горизонтальная кіріш — „тетиву“ бубна (рис. 1 и 3). Окружность бубна 33 см, ширина обечайки 2 см, длина вертикальной палочки — рукояти — 11 см, длина горизонтальной палочки — кіріш'a — 9,5 см (рис. 17).

№ 5063-27. Маленький бубен (лицевидной формы) состоит из обечайки, на которую натянут и к которой прикреплен тоненькой бечевкой холст, и двух перекрещивающихся палочек, изображающих рукоять бубна (вертикальная) и кіріш бубна (горизонтальная). К вертикальной палочке — рукоятке бубна — привязана на тонкой бечевке лопатообразная палочка, должна изображать колотушку бубна „орбу“. Окружность бубна 32 см, ширина 12 см, длина горизонтальной палочки кіріш'a 8 см, длина палочки — колотушки — 5 см (рис. 17).

Эти маленькие бубны чалу хранились, так же как и рукоятки от бубнов, вместе с другими предметами культа и, в частности, вместе

с эменгедерами — женскими духами-предками.¹ Эти бубны и рассматривались телеутами как бубны эмегендеров, т. е. их предков — женщин. Эмегендеры и энекелеры, говорили телеуты, не все, конечно, были шаманками, но среди них, несомненно, должны были быть шаманки; вот почему и делали в память их маленькие бубны; это — бубны эмегендеров.

Убеждение телеутов в том, что среди эмегендеров — их женщин предков — были шаманки, лишний раз указывает на то, что шаманство своими корнями восходит к материнскому роду.

¹ См.: Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. Духи „ämägändär-örökönöör“. Сб. памяти Богораза, 1937, стр. 123.